

ЗОЛОТО

повесть

**Виталий
ЛОЗОВИЧ**

г. Воркута

Старый гусеничный вездеход шёл долиной реки Пудына на Собский перевал уже шестой час. Шестой час в его разбитом кузове болтались шесть геологов, возвращавшихся из длительной поездки на залежи баритовых руд, обнаруженных далеко за истоками Пудыны. Теперь это месторождение будет занесено на карту местности Полярного Урала.

Вместе со всеми в кузове вездехода мотылялся Мишка Загий — молодой парень, вернувшийся весной из армии. Ничего приобрести в жизни он ещё не успел, кроме разве что клички Профессор да удивительной геологической профессии, которую можно обозначить двумя словами: тяни — толкай. Мишка выполнял работу свою ответственно — не ныл, не стонал, не просился отдохнуть, а потому среди геологов быстро стал своим парнем. Ошеломляющий его кругозор да разносторонние знания, полученные в детстве и юности благодаря родителям, начитанность и грамотность суждений очень быстро приклеили к нему кличку Профессор. Геологи, кстати, произносили её не то что без насмешки, а где-то даже с уважением.

Мишка Загий решил один год после армии отработать, чисто так по-мужски, а потом, уже следующим летом, поехать куда-нибудь в Москву, в университет. В какой?.. В приличный. Там их много. Факультет юридический или экономический. Или на финансиста? Время есть подумать.

Мишка обладал очень хорошей памятью, книгами зачитывался с детства. Кроме школьной программы, перелопатил кучу всякой литературы. Иногда мог часами, а то и днями сидеть за толстенной научной книгой, которая нужна была лишь для того, чтобы понять какое-нибудь явление или слово; интересовала она его сиюминутно и в жизни могла не пригодиться совсем. Как-то раз он наткнулся на выдержку из индийского эпоса «Махабхарата», где рассказывалось, как герой Арджуна из племени Пандавов после победы над Шивой затребовал себе оружие астравидьи.

Любой другой на Мишкином месте на этом бы и остановился, но он тут же залез в родительскую библиотеку, отыскал книги из «Собрания всемирной библиотеки» и прочитал всю сокращённую «Махабхарату», а с ней и «Рамаяну». Едва успев отдохнуть от древних индусов, он случайно услышал по телевизору о протопопе Аввакуме. Не найдя нужной книги на стеллажах, Мишка читал в интернете «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное».

Сон за книгой или компьютером был привычным делом для Мишки Загия. Родители ругали, но ничего поделать не могли. Всё прочитанное откладывалось в памяти и создавало огромный интеллектуальный багаж, которым Мишка пользовался легко и непринуждённо.

К тому же по натуре он был немного артист — допустим, любил из промплощадки геологической базы устроить театральную сцену. Да и в молодой голове, как бывает, порой возникал полный сумбур. В такие моменты Мишка мог перемешать всё подряд, что вдруг всплывало в памяти. Выглядело это непринуждённо и весело. Он начинал расхаживать взад-вперёд между тяжёлыми гусеничными вездеходами и декламировать:

— «Дочь французского посланника в Риме, урождённая де Вивонн, маркиза Катерина де Рамбуйе, была утончённым человеком... — здесь Мишка явно делал пропуск текста, потому говорил смешливо: — Ля-ля-ля... — продолжал: — Больше всего на свете госпожа Рамбуйе любила литературу, почему её салон (в Париже) и приобрёл преимущественно литературное направление». Ля-ля... «Засверкал в кресле Жан-Луи Бальзак — светский писатель... разочарованный мыслитель Ларошфуко... остряк Вуатюр... Котен, Шаплен, Жиль Менаж... Загремели стихи в честь маркизы Рамбуйе, — Мишка поднимал палец вверх и заканчивал: — До сих пор всё это было бы полгоря, если бы вслед за мадригалами и остротами Катерина Рамбуйе со своими сподвижниками не занялась большой литературой вплотную. В голубой гостиной читали вслух новые произведения и обсуждали их, — Мишка вновь поднимал указательный палец вверх, призывая заострить внимание. — А раз так, то составлялось мнение, и мнение это становилось обязательным в Париже».¹

Здесь Мишкин голос умолкал, даже не просто умолкал, а трагически замирал. Палец, поднятый вверх, грозил кому-то в небе, потом Мишка Загий громко зывал туда же:

— Это было четыреста лет назад! Что изменилось?! Везде где-то в «голубых гостиных» «составляется мнение»! Мнение, которое потом становится обязательным для всех нас! В любой области — в литературе, музыке, политике... Нет, не так?! — Мишка быстро подходил к какому-нибудь геологу, озадаченному таким пафосом, брал его за пуговицу куртки и требовал уже конкретно с него: — Отвечайте на поставленный вопрос! Почему молчим? Бойтесь или не знаете? Не знаете? Кто знает? Пушкин? — и здесь совсем внезапно: — «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог...» — выражение лица Мишки становилось глуповато-удивлённым, словно от какой-то неожиданности, но он продолжал с умудрённой жизнью интонацией: — А если рассмотреть сии строчки под углом закона?.. А-а? Что получаем? А получаем принуждение от дяди! Потому что — заставил! И можно воспользоваться... — тут же, отстав от озадаченного геолога, говорил сам себе тоном прокурора: — Статья сорок. «Вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учетом положений статьи 39 настоящего кодекса». А это...

— Мишка! — одёргивал старший группы — дядя Коля. — Хорош болтать, носи сумку с оптикой!.. Сукин сын! Статью он на дядю Пушкина повесил!..

Проговаривалось это добрым голосом, потому как за такие выкладки из самых разных сторон человеческой жизни геологи Мишку Загия любили: скучать не давал, да и, когда необходимость была, мог дельную мысль подсказать.

— А я бегу к вам, люди добрые! — отзывался Мишка, хватал оптику и шёл к вездеходу. Когда подходил, вдруг становился серьёзным, сурово смотрел на дядю Колю и говорил ему с

назиданием: — Негоже приличному человеку засорять свой язык такими словами, как сукин сын, сукин кот, сукин лещ, сукина мышь, просто сука... падала....

— В кузов! — улыбался ему дядя Коля.

Машина ухала двигателем, и, пока стояла на холостых оборотах, Мишка, перекивая рёв мотора, указывал рукой на тундровый простор, открывшийся за бортом вездехода, и читал хорошо поставленным голосом:

*Свой дикий чум среди снегов и льда
Воздвигла Смерть. Над чумом — ночь полгода.
И бледная Полярная Звезда
Горит недвижно в бездне небосвода.
Вглядись в туманный призрак. Это Смерть.
Она сидит близ чума, устремила
Незрячий взор в полуночную твердь —
И навсегда Звезда над ней застыла.²*

— Сам сочинил? — понимающе кивали головами геологи.

— Так кто ж ещё?! — смеялся Мишка в ответ.

— Мишка, — советовали геологи, — ты бы опубликовал хоть что?.. Стихи вполне симпатичные, такие... мощные.

Который час вездеход шёл по пляжу реки Пудына. Впереди, где-то за несколько поворотов, за горными холмами, протекала река Собь. Там была железнодорожная станция «Сто десятый километр» да разбитый посёлок коммунистического наследия, от которого осталось на сегодняшний день несколько домов. Оттуда тундровая горная дорога уходила в город. На последнем изгибе русла вездеходчик тормознул, заглушил двигатель, обернулся назад в салон, сказал:

— Мальчики — налево, девочки — направо. Кто не спрятался — я не виноват. Перекур — пятнадцать минут. Следующая остановка — город Воркута.

До Воркуты было ещё часов семь. Геологи выбрались наружу. Разошлись по кустам вдоль Пудыны. Мишка никуда не пошёл — не хотелось. Курить он не курил, потому просто побрёл вниз по реке, по мелководью.

— Учиться тебе надо, Мишка, — прикуривая сигарету, громко сказал ему старший группы, привалившись к капоту ГТТ, — с такой баш-

кой учиться надо. Упустишь время — потом не нагонишь.

— Летом следующим, — соглашался Мишка, поддевая сапогом небольшие булыжники у берега. — Вначале надо хоть немного узнать, почём в жизни хлеб даётся! Правильно?

— Правильно, — соглашался тот. — Профессию выбрал?

— Думаю, гуманитарное что-нибудь, дядя Коля. Юрист-экономист. Экономист-финансист. Финансист... Смотрите, камень какой... яшма? — поднимал Мишка из воды небольшой полосатый камешек.

Дядя Коля махал рукой:

— Булыга. Выбрось. Здесь ничего нет приличного. Миллион человек искало уже.

— А фарт? — задиристо предположил Мишка.

— Дурь, — выпускал сигаретный дым дядя Коля, — не фарт должен быть в мозгах, а разум. Всё по уму делать. Тогда не пожалеешь, не проиграешь в жизни. На фарт надеются бездельники и рвачи. А настоящий человек должен работать. Только в работе у человека появляется самое важное и необходимое в жизни — авторитет и уважение общества. Тебе по молодости это может показаться глупостью... Только жизнь с годами утверждает именно это и ничего больше.

— А деньги с годами она не утверждает?

— Деньги? — не удивился дядя Коля. — Почему же?.. Если деньги заработанные, то вполне... В твои годы деньги должны быть не главное. В молодости всё же человека больше интересуют честь, достоинство, дружба мужская, смелость... В общем, без страха и упрёка. Такие вот качества.

К ним подошёл Игорь Викторович, геолог давно пенсионного возраста, улыбнулся последним словам старшего группы, тут же хитро Мишку спросил:

— Ты бы что выбрал сегодня: мешок денег или честь с достоинством?

— Второе, — уверенно ответил Мишка Загий.

— Ну, а мужскую дружбу сменял бы на мешок денег?

Мишка усмехнулся такому предположению, вспомнил армию, мотнул головой:

— Деньги — грязь... Пришли — ушли... Дружба дороже.

— А за полпуда золота? — вдруг в лоб спросил Игорь Викторович. Тут же пояснил: — Полпу-

да настоящего самородного золота!.. Или всё же честь и достоинство?

— Второе, — уверенно и немного с вызовом опять ответил Мишка.

Игорь Викторович погрозил ему шутливо пальцем и одобительно похвалил:

— Молодец. Так и поступай в жизни. Не прогадаешь, не пропадёшь никогда. А над рвачами смеяться будешь.

— Кто бы спорил, — отвечал Мишка, но в глубине души всё же прятал сам от себя какую-то тайную и, как ему казалось, порочную надежду на свою — только свою, лично избранную! — удачу. — Если, например, полпуда золота честно намытого... Почему и нет?

Мишка уже давно, с лета, всё хотел найти какой-нибудь минерал, из которого можно было бы сделать ювелирное украшение для мамы. Допустим, яшма. Яшма — камень симпатичный. Или агат? Агат вообще красавец. Отцу он бы сделал... перстень. А маме — из яшмы... Да-а... маме из яшмы... Попробуй вот только найди этот агат или яшму на этих территориях. Мишка регулярно, когда выдавалось время, бродил по руслам рек, пытаясь отыскать хоть какой камушек, но до сих пор ни одного минерала так и не нашёл.

Иногда в нём просыпался неутомимый романтик, несвойственный обычно людям с большим багажом знаний. Человек образованный всё же больше практик и реалист, нежели романтик, потому как знания, полученные из книг и общения с образованными людьми, дают ему возможность сравнивать и анализировать чужие ошибки, ситуации, пусть даже ситуации эти были не в документальном виде рассказаны, а в художественном.

Мишка, бывало, примеривал на себя тот или иной образ из прочитанной литературы, сам себе тут же говорил: «Это не жизнь, это образ... придуманный образ». Но всё же иногда те фантазии побеждали в нём реалиста, и ему нестерпимо хотелось хоть на день, хоть на час стать таким же, как они. На первом месте для него, конечно, стояли герои Джека Лондона с канадской Аляски, из небольшого городка Доусон, где протекает знаменитый ручей Клондайк. Правда, является ли Клондайк Аляской, Мишка Загий так и не мог сказать точно: слишком разнились в справочниках и словарях данные о западной

границе этого полуострова. И вообще, есть ли такое понятие — «канадская Аляска»? Правда, к героям Джека Лондона это мало имеет отношения. Тем, кто искал на Клондайке золото, было абсолютно без разницы, на чьей территории они находятся. Застолбил участок — и вперёд!

Пудына — река кристально чистая, начало своё берёт с гор Полярного Урала. Речка мелкая, каменистая, вода студёная даже летом. По дну разбросаны камни самых различных оттенков и цветов, но всё это кремний. Увы!

Мишка шёл берегом, глаза блуждали вокруг, на ум само по себе приходило:

*...Твёрдая опора запредельных тронов,
Яшма, талисман апостола Петра,
Храм, где все мы можем отдохнуть от стонов
В час, когда приходит трудная пора...³*

Мишка выискивал хоть что-то похожее на минерал, лучше бы яшму, которую он и видел-то в жизни раз — в Воркуте, в музее геологии. Ничего подобного по пути не встречалось. Но вот мелькнуло в глазах... что-то сверху полосатое... Нечто похожее он видел в музее. Мишка наклонился, вытащил из ледяной воды камень. Кремний! Он отшвырнул его в сторону, взгляд опустил вниз. И здесь... О божье!.. Там, где только что лежал тот булыжник, что-то сверкнуло в лучах солнца. Мишка даже сощурился: «Эт-то ещё что такое?..» Перед ним — крошечный кусочек ярко-жёлтого цвета, не больше ногтя на мизинце. Среди песка и камней как будто вылез наружу бочок лимона.

В Мишкиной голове зашумело, он боялся шевельнуться, чтобы не спугнуть это видение. Но оно не пропадало. Жёлтый камешек размером с десятикопеечную монету по-прежнему лежал в прозрачной воде Пудыны. Губы Мишки вдруг забормотали:

*Зачем надевают кольцо золотое
На палец, когда обручаются двое?
Меня любопытная леди спросила.
Не став пред вопросом в тупик,
Ответил я так собеседнице милой:
— Владеет любовь электрической силой,
А золото — проводник.⁴*

Мишка сглотнул всухую. Не поднимая головы, не двигая шеей, взглядом окинул близлежащее пространство: есть кто рядом? Я спрашиваю: р-рядом есть кто?..

Вокруг — никого.

— Эт-то что? — вымолвил Мишка, нагибаясь к реке и опуская руку в студёную воду, как в кипятке.

Осторожно достав камешек, он стал рассматривать его: вертел в пальцах перед глазами, оглаживал, будто взвешивал на ладони.

— Эт-то что? — повторили его губы. А глаза метнулись по сторонам: видел кто? Нет. Никто не видел? Точно никто?! Где все? По кустам разошлись.

Мишка затравленно крутанул головой. Пусто. Поблизости никого. Камешек, казалось, сам разжал Мишкину ладонь: крошечный, немного слоистый, он сиял желтизной. Тяжёлый? Нет? Вообще, какой камень считается тяжёлым?..

Губы Мишки вновь забормотали:

— ...*Друг мой золото моет в артели,*

Получил я сегодня письмо... — Мишка губы облизнул, во рту пересохло.

— ...*Написал, что становится злее.*

«*Друг, — он пишет, — запомни одно:*

Золотишко всегда тяжелее

*И всегда оседает на дно.*⁵

Голова Мишкина горела, взгляд затуманился. Спыхватившись, он мысленно приказал себе: «Так, надо собраться. Надо собраться. Место запомни. Спокойно. Тихо. Не ори!..»

— Ну что?! — крикнул вдруг замаячивший впереди дядя Коля. — Все накурились? Все облегчились? По местам!

Мишка украдкой попытался сунуть находку в боковой карман куртки. Промахнулся — уронил камешек в реку. Сердце ёкнуло. Он глянул под ноги, чуть склонился, чтобы поднять, но его остановил громкий окрик:

— Мишка, мать твою! Золото там нашёл, что ли? Одного тебя ждём!

Тот, стремясь не выдать себя, вскинул голову:

— Какое золото? Где золото? Я так! Я просто...

Поднимать камешек не стал, чтобы не привлечь внимание. Мишка Загий прошёл к везде-

ходу, забрался в кузов и устроился, уставившись глазами в пол. Его толкнули, спросили:

— В штаны наделал? Сидишь как обмоченный.

Раздался смех, кто-то дружески толкнул в плечо... Мишка не реагировал. Сидел застывший, как мумия, а внутри у него всё бурлило от затаённой радости. От ликования голова кружилась и сознание уплывало вверх, под самую крышу вездехода.

«Я же говорил: фарт! — думал Мишка. — Вот бы поделиться со всеми!..» Тут же одёрнул себя: чем поделиться? Золотом? Идиот! Мишка мотнул головой, словно сбрасывая наваждение, в котором, кроме золотого сияния, была и непроницаемая чернота. Мишке показалось, его поместили в комнату без окон, потушили свет и на чернильный пол положили кусочек светящегося золота... Самородок этот горел, сверкал, лучи его расходились в стороны, как в тумане расходится свет от фонарика... Тыфу ты! Какого фонарика? Идиот! Свет как от солнца! И лежал ведь в реке прямо на виду: ни тебе мыть, ни копать!.. Прав был главный архитектор Воркуты, когда как-то сказал Мишкиному отцу: «Полярный Урал — удивительное место. Обычно земля всё прячет в себе, хоронит. А здесь — наоборот, всё просто вылезает наружу, выпучивается. Земля как выдавливают из себя свои сокровища». От отца слышал о таком чуде и Мишка.

По приезде в Воркуту Мишка Загий не помнил, как добрался домой.

В квартире было пусто. Родители-геологи, заключив договор на полгода с Ангарской геологической компанией, укатили в Сибирь бурить скважины где-то в предбайкальских месторождениях.

В то лето Мишка жил один, по большей части — в городе, потому что экспедиции, в которые мотался, были короткими.

Обычно, вернувшись из поездки, он устраивался в большом мягком кресле с книгой в руках или открывал интернет-портал с электронными книгами.

Но в тот раз всё пошло не так: Мишка устало опустил одеревенелое тело на стул в кухне, потом долго смотрел себе под ноги. Ещё несколько часов назад под ними сверкали благополучие и богатство.

Эта мысль не давала ему покоя. Казалось, самородок стоит перед глазами, не давая думать о чём-либо другом. Нет-нет! Мишка не просто увидел его! Он держал золото в руках!.. «Бестолочь! Как ты мог его уронить, идиотина?! — ругал себя. — Сейчас бы...» Но поднять было никак нельзя: могли заметить. «А если заметили?!.. Кто? Сергей?!.. Сашка?!.. Игорь Викторович?!.. Дядя Коля? — гадал Мишка. — Ах, дядя Коля! Какой он молодец, что именно там тормознул машину! Вот спасибо! — и вновь тревога вернулась: — А если кто-то всё же заметил? Тогда как? А вдруг они уже обратно рванули? Сделали вид, что не увидели, а сами... Билет на поезд «Воркута-Лабытнанги» — и вперёд! Золото мыть!..»

Мишка поднялся со стула, поплёлся в комнату. Там включил музыкальный центр — зазвучала третья часть «Лунной сонаты» Бетховена. Мишка любил классику. Сейчас эта гениальная бурлящая музыка словно утверждала: «Жизнь стремительна. Старайся попасть в нужное русло, не то унесёт не туда». Нужное русло!.. Где оно — нужное русло?

Мишка опустил в кресло и... уснул.

Музыка кончилась, стало тихо, музыкальный центр выключился. Ещё несколько минут назад торжествовавшая в квартире музыка умерла. Всё как в жизни.

Мишка проснулся в кресле через несколько часов. Первое что вспомнил — золото. Золото на реке Пудыне. Горная речушка в колена глубиной.

Он поднялся, прошёл в кухню. Выглянул в окно: во дворе, в сумраке подступающей ночи, играли на площадке дети. С ними бегал маленький щенок, весело лаял и пытался вместе с мальчишками забраться на горку. Всё как в жизни.

Вернувшись в зал, Мишка огляделся, словно первый раз здесь был. В голове шумело.

Вечер. А утром идёт поезд на Лабытнанги, в девять — отправление, вечером он прибывает на сто десятый километр, там ещё километр или больше... Или меньше?!.. Первый поворот реки... Первый? Точно первый?!.. Сразу за большим поворотом — место безлюдное, туристов, грибников нет. Да поздно уже по грибы ходить... Ягоды тоже отошли. «Надо ехать, — вспыхнула мысль. — Хотя бы на неделю. Про-

верить... Просто посмотреть. Клондайк, говорите?!.. Городишко Доусон? Джек Лондон... или как его там?!.. Писатели, мать вашу!»

Мишка достал старую отцовскую одноместную палатку, стал торопливо собирать вещи, запас еды. А продуктов дома почти не было. Ничего, на вокзале есть магазин.

Трясаясь весь день в вагоне, который тащился сначала до Сейды пару часов, а потом сто десять километров в сторону Полярного Урала, Мишка Загий видел перед собой лишь маленький кусочек золота — тоненький тяжёленький кусочек света.

О том, что сегодня рабочий день, вспомнил лишь на узловой станции Сейда. На часах — одиннадцать, наверняка его уже искали. К счастью, в этих местах стояла вышка одного из сотовых операторов — была связь. Прикинув, как лучше выкрутиться, Мишка включил мобильный телефон, набрал номер своего «старшего». В категоричной форме заявил, что ему срочно нужно взять месяц отпуска либо... Сказал, что объяснить причину по телефону не может. Дядя Коля говорил долго, обстоятельно. Мишка даже пытался вникать в смысл слов, но получалось плохо — перед глазами стоял кусок золота. Не выдержав, Мишка нагрубил: «Да пошли вы все вместе с тобой, дядя Коля, знаешь куда?!.. Увольняйте!..» Решив, что вопрос решен, выключил телефон. Всё, мосты сожжены. Теперь только вперёд, только вперёд! Куда? В счастливую жизнь — так казалось Мишке. А пока она спрятана от него за тяжёлыми дверями, но он непременно их откроет и войдёт в ту красивую жизнь настоящим героем. Тьфу ты, опять этими джекилондонами запахло!

За первым большим поворотом Пудыны, у следующей излучины, Мишка поставил палатку. Развёл костёр. Затем натаскал сухостоя для поддержания огня. Повесил котелок с водой и, взяв небольшой таз, литров на пять, направился к реке.

Стоя по колена в воде, он уже в лёгких сумерках принялся искать жёлтые камешки. Дно реки пестрило камнями самых разных цветов: от серых до буро-красных. Но жёлтых... жёлтых на глаза не попадалось. Мишка шёл по руслу, неся

перед собой таз, словно щит. Выглядело глупо. Он это понял — швырнул посудину на берег и сосредоточился, пытаясь вспомнить место, где он нашёл тот самородок.

Валун был в реке... Вот он и есть — валун. Так, выходит, здесь где-то...

И правда, жёлтый камешек лежал там, где Мишка его и уронил, — ни на пядь не сместился вниз по течению... А то! Золото ведь! Оно не катится даже в стремительных реках! Тяжёлое.

И откуда он знает про золото и стремительные реки? Он ведь никогда не сталкивался в жизни с настоящими золотыми самородками, даже не думал об этом. Дома с родителями тоже на такие темы не говорили! Мишка не имел представления, как выглядит золотой самородок, как его отыскать в речках, в ручьях, и что из себя представляет в виде камня или песка. Ну, это не страшно! Случается в жизни фарт! Не все ведь золотоискатели Аляски сразу знали, как выглядит золото, однако находили, а жизнь их с того момента становилась совсем другой.

Подобрав жёлтый камень, Мишка вертел его в руках, рассматривая со всех сторон, хотел укусить, да не стал — глупо подражать киногероям. И потом зачем его кусать? Ну, укусит?.. Что будет?.. Мишка не знал, что должно случиться, если укусить кусочек золота. Самородок был слоистый, будто пластинки золота намывались в нём столетиями. А красивый какой!.. Яркий, броский, колдовского лимонного цвета. Наконец сунул его в карман куртки.

Побродив у самого берега, Мишка вновь взял таз, зачерпнул с водой немного речного песка и стал раскачивать его из стороны в сторону. Песок стекал с водой в реку, камешки покрупнее катались по дну таза с характерным перестуком. Глаза Мишки жадно рыскали между ними, выискивая заветные жёлтые проблески. Руки стыли от холодной воды, ноги в реке коченели, но золото не обнаруживалось.

Мишкины ладони замёрзли так, что стало ломить суставы. Он вновь метнул тазик на берег. Оглянулся и хотел было идти к костру греться. Но нет, сунув ледяные ладони под мышку, побрёл вдоль берега вниз по течению.

Конечно, Мишка знал про «способ альпинистов» — греть руки у себя в паху, но постес-

нялся, хотя наблюдателей не было. Ему казалось, как-то не по-старательски это... Прimitивно... ничтожно... Словно придурок, ходишь, руки в штаны засунув.

Мишка повернул обратно, не отрывая взгляда от пестрящего дна реки. Наконец попался ещё один камешек. Он был меньше первого, но если первый был плосковатым, то этот, наоборот, горбатый, со всех сторон бугристый, похожий на маленькую неровную пирамидку. На этой находке Мишка решил сегодня остановиться.

Вернувшись к костру, он поставил на огонь котелок, вскипятил воды, засыпал туда какой-то пакетный суп с лапшой. Через десять минут Мишка обжигался горячей похлёбкой.

«А золотоискатели Аляски вечером ужинали горячей фасолью, правильно?.. Или это золотоискатели Калифорнии?.. Нет, на Аляске. Или?.. Может, это я про Африку читал?» Первый раз Мишка не вспомнил точно, где такое упоминалось. После ужина до самой темноты он рассматривал свои самородки — то один, то другой. Оторваться не мог.

«А если каждый день по два самородка находить?.. Это за месяц — шестьдесят. А сколько выйдет на вес? Горка целая будет. А если два месяца искать? Сто двадцать? Река замёрзнет. Здесь Урал Полярный тебе, а не Южный. В октябре уже может и льдом затягивать при ранней зиме. А если лёд колоть?.. Чем?..»

Мишка мотнул головой, сказал вслух:

— Куда разогнался? Ты вначале хоть ещё пару камней найди. Старатель...

Опустилась ночь. Небо было чистым, безоблачным, зажигались звёзды. Мишка забрался в палатку, завернулся в спальный мешок, закрыл глаза и попытался уснуть. В этот миг где-то в стороне громко, протяжно крикнула ворона. Мишка встрепенулся и вылез из палатки.

Ночь стояла непроглядная, звёзды висели низко, горели ярко. Луны не было, очертания гор практически не просматривались.

Откуда здесь ворона? Не полустанок тебе, не посёлок.

Стало жутковато. Мишка был один, но это не значило, что в любую минуту здесь не появится кто-то ещё. Станция сто десятого — все-

го в километре от него, а там ещё осталось несколько жилых домов от когда-то большого посёлка геологов.

Мишка замер, припоминая... В прошлом году, осенью, они шли на вездеходе через одну сухую балку за сто двадцать пятим километром, и Мишка заметил тогда на земле следы медведя.

До утра стояла тишь. Только река Пудына журчала на перекате да ближе к утру ветер едва слышно шелестел в опадающей листве ивовых кустов. Новый день вышел из-за гор розовым рассветом. Потом небо окрасилось жёлтым из-за прослойки низких тяжёлых туч над горами.

Косые лучи солнца слепили Мишке глаза, ранняя прохлада пробирала до костей, но предвкушение возможных находок перекрывало все неудобства.

Мишка выбрался из палатки, крикнул солнцу: «Привет!» — и ушёл к реке зубы чистить да бриться. Для себя он твёрдо решил: даже здесь, вдали от людей, останется цивилизованным человеком. Главное — умудриться в осеннем холоде хотя бы разок-другой помыться целиком. Допустим, в реке... Это сложно. Можно и простудиться. Придётся мыться, что называется, «от пояса и до пояса». Потом можно пробежаться... поприсесть... Да придумает что-нибудь, в конце концов. Главное — остаться человеком!

Вернувшись к своему становищу, Мишка собрал ворох хвороста, разжёг. На костре подогрел банку свиной тушёнки. По утрам лучше есть сытную пищу. А сколько у него этой сытной пищи? Банок десять-пятнадцать в запасе есть. Надо бы пересчитать, конечно. Ну, примерно на пару недель хватит. Вечером — чай, суп пакетный, сухарики... День весь надо работать.

«Странно, — думал Мишка. — Почему-то вчера оба самородка нашёл без этого дурацкого таза, который пристроил вместо лотка. А говорят, золото лотками моют... Впрочем, не всё ли равно? Было бы золото!»

Мишка достал из костра тёплую банку тушёнки, вскрыл её ножом и, орудуя им, как ложкой, вытаскивал мясо, весело декламируя первое, что пришло в голову:

*Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где, скажите, дым?»⁶*

Позавтракав, Мишка пошёл к реке.

Сперва попробовал мыть лотком. Спустя минут десять заболели кисти рук, ломило даже в запястьях. Боль была такая нестерпимая, что хотелось засунуть руки в пепелище костра. Лоток в который раз был отброшен в сторону. Теперь Мишка ходил вдоль и поперёк речки, иногда под водой носком высоких рыбацких сапог ворошил камешки, пробовал и каблукком. Потом подобрал на берегу тяжёлый сук лиственницы, тыкал им в дно реки, вышвыривая на берег небольшие плоские булыжники.

От холодной воды заныли ноги. Мишка вышел на берег, взял тазик и стал черпать прибрежную жижу. Он поливал её водой из банки и старательно, очень старательно промывал песок и крошечные камешки. Золото не шло.

В Мишкину голову лезли idiotские мысли. Не выходило из головы выражение капитана Врунгеля из советского мультфильма: «Терпение сравню с отвагой!» Ну и дурь! Тут же вспоминался Джек Лондон с его рассказами «Смок и Малыш» и особенно — «Тысяча дюжин», в котором один чудака решил заработать на золотых приисках, продав старателям привезённые издалека куриные яйца. Тысячу дюжин! Закончился этот бизнес тем, что яйца, которые он вёз на прииски неделями, протухли. Слишком длинным был путь. Предприимчивый делец повесился. Прямо над тухлыми яйцами повесился, осознав, что притащил на прииск негодный товар. Что ж, туповатые парни на приисках не редкость.

Весь день Мишка бродил от поворота до поворота, стараясь не терять из виду палатку. Ходил медленно, задумчиво, мысленно пытаясь хоть как-то оправдать свои действия. Они ему напоминали прогулки у дома любимой девчонки, а не работу старателя. Мишка убеждал себя: вчера мыл, мыл — ничего не намыл, а два самородка нашёл просто так, под ногами. Значит, надо ходить и внимательно смотреть под ноги.

В этот момент что-то сверкнуло между кам-

ней. Мишка быстро сунул руку в воду, пальцы сами вцепились в самородок. Вытащил его на белый свет, глянул — в голове даже зашумело от восторга. Самородок был больше тех двух, что нашёл вчера.

— Я знал... знал!.. — зашептали, как в лихорадке, Мишкины губы. — Золотые самородки не моют. Их ищут!.. Всё правильно сделал!..

Он взглянул по сторонам — быстро, жадно, чумным взором человека в горячке, уже заражённого опасным недугом. Взгляд у Мишки был ненавидящий, если бы кто-то сейчас оказался рядом, он бы просто раздавил его... убил, как муху. Вот этим большим суком лиственницы убил бы! Мишка заранее стал ненавидеть всех, кто может вдруг показаться здесь, на берегах его реки.

— Да! — проорало его горло. — Да! Место застолбленное! Моё!..

Но вокруг не было ни души. Никто не покушался на его место. Лишь одинокие пичуги свистели в кустах речных вод. Мишка зажал самородок в руке, чтоб не выронить, злорадно усмехнулся, тут же, паясничая, воспроизвёл возможный разговор с начальством:

— «Обратно... на работу... мы вас уже не возьмём!..» — Здесь Мишка руки развёл в стороны. Уголки губ его опустились, Мишка издал звук, похожий на фыркание лошади: — «У нас хорошая работа, твёрдый оклад... вы подумайте, Михаил, а?» — в голосе послышался сарказм: — Это же надо, какие подлецы? Кому нужна ваша работа такая?! А?.. Не думали? — он выкинул вверх руку с самородком, крепко зажатый в пальцах, и проорал: — Вот она — моя работа! Вот она!

Дня через три-четыре Мишка втянулся в дело так плотно, что не видел ничего вокруг. Глаза его потеряли чувствительность ко всему, что не блестело и не отличалось жёлтым цветом от всего остального. На четвёртый день Мишка заметил, что память его перестала выдавать очередные «перлы» из когда-то прочитанного, услышанного. Стихи и высказывания великих не закончились со старательской работой здесь, на Пудыне, — они просто затаились в его голове и не лезли теперь наружу, не мешали работать.

Несколько дней прошли спокойно и ровно. Вместо декламации и бесполезной словесной шелухи Мишка сосредоточенно сопровождал свои действия самыми необходимыми и нужными в таких случаях словами: «Вот ещё один... Та-ак... здесь у нас что?.. А тут? Стоп, стоп, стоп... Ишь, спрятался! О-опа!!!» Раздавалось это громче обычного, и очередной приз в виде жёлтого самородка размером с копейку, а то и с десятирублёвку отправлялся в карман его куртки.

В тот вечер, ближе к закату, Мишка нашёл какую-то странную тёмно-жёлтую «капельку». Он вновь попробовал мыть лотком: зачерпнул песку, покачал тазик по сторонам и вдруг...

Это тоже был самородок, только он был совсем не похож на остальные. Крошечный, бугристый, как застывшая капелька расплавленного свинца, который Мишка с пацанами плавил в детстве на кострах в консервных банках, изготавливая «свинчатки» для драк. Находка была похожа на частичку расплавленного олова, какие стекают с паяльника, только острый кончик у неё был обломан и... как бы это?.. завальцован. Мишка обозвал его «соплёй», но выбрасывать не стал. Мало ли чего — может, и такие золотые самородки бывают. Или, может, это такой крупный золотой песок?

В конце дня Мишка перебирал найденные самородки и складывал их в стеклянную литровую банку из-под каких-то маринадов. Саму склянку он заворачивал в полотенце, которым пользовался после умываний. Но теперь Мишке было не до гигиены! Умывания закончились ещё в конце первой недели, потому что... ну, для кого здесь умываться? Как-нибудь обойдётся.

Когда рабочий день заканчивался, он возвращался с реки, доставал банку, разворачивал полотенце и, изучая горящими глазами своё обретенное благополучие, мечтал. В его воображении в один момент разворачивался шикарный вид на тропический остров: море, пальмы, девчонки смуглые, полуголые, вилла... или дворец... бассейн во дворе огромный... шезлонг и столик с яствами... Ну, там — мексиканская текила какая, ямайский ром с французским коньяком да шотландский виски «Джонни Уокер»... И чтобы «голубая марка»!⁷ Перебирая в голове эти фантазий-

ные картинки, виденные в кинофильмах, Мишка добавлял в банку всё новые самородки.

Иногда он встряхивал её, вслушиваясь в позвякивание, и говорил, смеясь: «Моё маринированное золото!» В эти секунды внутри у него всё замирало, голова шумела пьяной волной восхищения собой, своими поступками и внезапным обретением счастья быть богатым. Счастье — быть в этой жизни независимым. А дать его могут только деньги. Вот эти жёлтые кусочки и есть Мишкины деньги! Его независимость. А значит, его счастье!

«А-а, бендюжники! — как-то вспомнил он своих бывших товарищей — геологов, начальников по работе да прочих сослуживцев. — Вы даже себе не представляете, что я буду иметь через пару месяцев! Вообразить себе не можете!.. — лицо Мишкино искривилось в гримасе, и, подражая голосу Игоря Викторовича, он повторил его слова: — Ты бы что выбрал — полпуда чистого золота или честь с достоинством? — губы Мишки гадливо изогнулись в улыбке и, паясничая, он коверкал слова: — Сто бы выбрал, ёскин кот! Месок денег или дружбу музскую? И то, и то я бы выбрал, идиоты! Мешок денег — вначале, остальное прилепится! Глупцы! Баритовые руды они ищут! Золотые руды искать надо, золотые жилы счастья своего!»

К концу первой недели пальцы рук у Мишки огрубели, кожа на них потрескалась. Шетинистое лицо обветрилось, на зубах появился неприятный налёт. Но «баню» он откладывал со дня на день, потом на неделю. Ничего, отмоеся ещё... Правда, тело начало зудеть во всех местах, особенно спина. Хотелось чесаться, как собаке, ведь не утерпишь, а достать тяжело.

Но Мишка снова откладывал, обещая себе, что завтра обязательно помоемся, а сейчас главное — золото.

Находки уже полностью покрывали дно банки. На седьмую ночь Мишка уснул, обнимая её, словно любимую женщину.

С каждым днём заметно холодало. Погода в горах Полярного Урала скатывалась к осени, а осень за Полярным кругом — время промозглое. Небо часто затягивало тучами, иногда долго накрапывал мелкий ледяной дождик.

Искать или мыть золото в такую погоду

Мишка не решался, потому как сушиться было негде: костёр-то под дождём горел, еду на нём можно было приготовить, но высушить мокрую одежду — ни за что. В такие часы Мишка забирался в палатку, открывал банку, доставал самородки, вертел их в грязных пальцах, прикладывал к лицу, ощущая прохладное блаженство. Губы его иногда что-то при этом шептали.

Мишка в такие минуты был благодарен судьбе за драгоценные находки и, забывая обо всём на свете, строил планы на будущее. То он видел себя на яхте в открытом море с красавицами в обнимку, то в шикарной машине, подъезжающей к вилле где-то в тропическом раю, то... Как-то Мишка поймал себя на мысли, что в тех мечтах не видит рядом с собой родителей. Он напряг воображение и усилием воли «поставил» возле виллы, к которой он подъезжает на дорогом авто, родителей. Не получилось: мать с отцом сразу куда-то исчезли. Тогда Мишка попытался представить их в холле виллы, где всё увешано... увешано... чем увешано? Картинами да зеркалами... уставлено скульптурами... стеллажами книг. Образ родителей возник на той картинке и опять мигом пропал. Осталась машина и почему-то пальма с голой бабой в шезлонге. «Дурь собачья, — решил Мишка. — Надо меньше думать, больше работать. Искать, искать, искать! Река скоро замёрзнет, льдом покроется, потом не поищешь! Спрячется моё золото подо льдом... собака!»

В эту секунду кто-то фыркнул поблизости. Мишка замер. Пальцы вцепились в банку. Он прислушался. Рядом кто-то прошёл. Точнее не прошёл, а пробежал — быстро, так семенит собака... Не выпуская банку из рук, Мишка аккуратно расстегнул замок палатки, тут же высунулся в отверстие и заорал. Просто заорал диким голосом, ещё не увидев опасности, но всматриваясь вдаль. Метрах в десяти-пятнадцати от палатки рванулась в кусты маленькая собачья тень. Мишка повалился ничком в мох, глубоко дыша, и хрипло говорил себе, успокаивая: «Собака паршивая... собака... песец драный... Слава тебе...»

Дождик кончился.

Мишка выбрался из палатки, прошёл к костру, осмотрелся. Очевидно, песец искал пропитание. Что-то привлекло его сюда. Может, суп остывший?.. Мишка походил вокруг. Хотел подбросить хвороста в костёр: схватился за толстенный сук, притащенный из прибрежного леса, да одной рукой приподнять не смог, а в другой была банка. Но костёр он кое-как поправил.

Затем, вернувшись в палатку, всё же отложил банку и принялся проверять оставшийся провиант. Оказалось, сухари кончились, хлеба, даже чёрствого, не было уже третьи сутки. Пора идти на станцию, ждать поезда из Воркуты.

По чётным дням ходил вагон-лавка — такой спецмагазин для железнодорожников с полустанков. Мишка задумался: «А сегодня какой день — чётный?» Стал прикидывать в уме, но не вспомнил даже число. Лихорадочно, чуть трясясь от волнения, Мишка торопливо достал мобильный телефон, включил. Дисплей показал время: шестнадцать тридцать Москвы, двенадцатое число девятого месяца.

Две недели? Как так? Упустил время? А чего удивляться? Работал всё-таки.

Надо идти на полустанок. Без еды не протянуть.

Мишка почесал челюсть, заросшую щетиной, поскреб обеими руками голову, чесалкой пошерудил по спине. Измучившись, он соорудил чесалку из обычной вилки: зубья её согнул да и примотал изолентой к толстой берёзовой ветке. Удобно, можно все точки на спине достать.

На платформе «Сто десятый километр» Мишка увидел группу людей, очевидно, тоже ожидающих поезда. Мужики немного презрительно глянули на Мишку и отвернулись. Две женщины смотрели жалостливо, но с любопытством.

Одна, что помоложе и даже как будто привлекательная особа, спросила вроде как из любопытства пустого — разговор завести:

— Что, парень, много золота намыл? У нас тут баня есть.

— Какая баня? — грубо бросил Мишка. — Вам-то что?

— Не трогайте его, — насмешливо проговорил здоровый мужик, покуривая сигарету, —

здесь многие пытались что-то найти. Ни у кого не получилось!

Мишка чуть было не крикнул: а вот у него!.. у него!.. Но осёкся: «С ума, что ли, сошёл?! Молчи! Молчи, дурак!»

В вагон-лавку Мишка забрался первым. Накупил хлеба, каких-то консервов, запаса спичками, чем-то ещё. На глаза ему попались авторучки и блокнот. Мишка взял и это. «Дневник будешь вести, Лондонджек», — усмехнулся про себя.

Путаясь в двух увесистых пластиковых пакетах с длинными ручками, Мишка возвращался к палатке, оглядываясь.

Слова той женщины с платформы не давали ему покоя: «Много золота намыл?» Да откуда ей знать, подлюке?! Она что, следит за ним?

Теперь Мишка пожалел, что у него нет оружия. Хоть бы ружьё какое-нибудь плохенькое! Ведь любой, кто с оружием, может прийти к Мишке и отобрать у него банку с золотом.

«Банка!» — резануло в голове. Банку-то он оставил в палатке! Просто так оставил, прикрыв полотенцем! Ох, дурак! Кто угодно может просто заглянуть в палатку и...

Мишке стало плохо. Он рванул к своему лагерю по пересечённой тундровой местности с такой скоростью, что пластиковые мешки с едой часто-часто застучали по его ногам. Метров за сто до палатки Мишка бросил покупки и со всех ног сиганул через кочки и кусты.

Банка была на месте. Палатку никто не открывал. Судя по отсутствию чужих следов, даже не подходил к этому месту.

Мишка сел на сырой мох, держа своё сокровище обеими руками. По лицу его катились слёзы, дыхание сбилось.

Отдышавшись, он заткнул банку за пояс. Сделать это было нелегко — всё-таки она довольно объёмная.

Чуть успокоившись, Мишка пошёл назад — за пакетами с едой. Попутно пытался привести в порядок мысли: «Не будешь есть — не сможешь работать... Не сможешь работать — не намоешь золота... Что тут неясного?..»

Устроившись у костра, Мишка разобрал покупки.

Отломил кусок хлеба, открыл стеклянную банку с консервированной фасолью. Специально купил её! На Клондайке фасоль ели все – и золото в руки ручьём текло. Может, и здесь, на Пудыне, так?..

Прихватив с собой еду, Мишка ушёл на реку. Там, по щиколотку в воде, высматривал у себя под ногами самородки, попутно жевал, не чувствуя вкуса пищи: на автомате тыкал хлебом в банку с фасолью. Когда хлеб кончился, доставал пальцами.

В тот день ему попался самый крупный самородок. Кусок золота был такой большой, что едва укладывался в кулак. Взвесив находку на ладони, Мишка сжал её, но желтизна проглядывала между пальцами.

– И не спрячешь! – захлёбываясь от радости, шептал. – Не упрячешь такой никак, а? С работы они меня уволят! Ага. Не возьмём обратно, ага! Дурачье геологическое! Что б вы понимали в работе? Корячитесь там за копейки! А я здесь!..

А он здесь... за настоящие деньги! Золото! Только золото!

«Никого нет?..» – Мишка зло и вымученно огляделся, прокрутившись корпусом. Никто за ним не подглядывает?

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские ёлки,
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.⁸*

Строки сами громко вылезли из Мишки чужим хриплым голосом.

Он вздрогнул – волки! Здесь могут быть волки? Золото ведь есть, значит, и волки есть! А?..

Потом спохватился: чей голос он слышал? Мишка огляделся ещё раз – никого поблизости. Значит, он сам это сказал? Голос, что ли, сел? Как-то не так он раньше это... как его?.. Забыл слово. Ах да!.. Декламаторствовал! Нет, декламировал. Декларировал... или?.. Один леший!

Мишка вновь обернулся. Да кто тут может быть?! Грибы, ягоды кончились, рыбы особо нет. Ну разве «карандаши»⁹ только!.. И кому их надо?..

Следующий день выдался на славу. Мишка

до обеда успел найти два самородка – чуть ли не выпинал их из воды. Он теперь далеко ходил в обе стороны реки. Как-то само собой пришло в голову, что ничего страшного в этом нет, место ведь пустынное. А зверьё – оно само человека боится.

После обеда Мишка достал свою банку, опустил туда золото, что «намыл» сегодня. Потряс немного склянку, чтобы насладиться ещё раз звуком и оценить, сколько в ней прибавилось. Пересчитал камешки. На глаза попался тот самый маленький приметный самородочек: застывшая, словно оплавленная капелька с двумя чёрными точками по бокам. Мишка улыбнулся: «Глупая какая-то капелька. Сопля! Что на неё купишь? Сколько возмёшь за такую кроху?»

Перед сном Мишке мечталось.

Что он сделает со своим золотом? Немного продаст. А кому? Ювелиру, стоматологу... Барыге, наконец. Найдёт кому, главное – не продешевить. Всё это незаконно, а потому надо быть очень осторожным. Ювелир знакомый у Мишки есть. А если что-то останется, то можно переплавить в слитки. Надо будет поузнавать потом цены, чтобы не оптом продавать. Оптом невыгодно – намного дешевле. А ручку перевести в доллары... Или в евро? А может, в фунты надёжнее? Швейцарские франки? Нет, пожалуй, в доллары. Переведёт Мишка в доллары, купит виллу на море... и дом под Москвой. И машину «Лексус»... И путёвку... Куда? В Таиланд? На Багамы? Ох, дурак! Какие Багамы! На Багамы только пролетариат летает. В кругосветку! Или на Сардинию! Именно там, говорили по телевизору, самые богатые и знаменитые люди мира виллы имеют! На Сардинию подъедет Мишка этаким фертом, спросит: «Почём во-он тот домишко трёхэтажный? Десять миллионов? Боже, у вас такие дешёвки ещё остались?.. Ах, тридцать мильёнов! Тогда заверните!»

Засыпал Мишка в приподнятом настроении. Сардиния уже была домом родным, с местной пропиской, огородом с огурцами и курицами на дворе.

Ночью он проснулся от постороннего шума

недалеко от палатки, где-то за костром. Осторожно выглянул в щёлку, стараясь не скрипеть замком-молнией.

Стояла ночь, полная луна. Лагерь был хорошо освещён, правда, лунный свет показался Мишке зловещим, призрачным. Кусты поблизости как будто ожили, метрах в пятнадцати от палатки белели два пластиковых пакета с едой. Казалось, они тоже шевелятся. А потом заурчал... медведь.

Озноб пробил Мишку с головы до ног, его колотило от страха. Хотелось бежать — просто открыть палатку, выскочить и бежать. Он дёрнулся в палатке и упёрся коленом о что-то твёрдое. Банка!

Голова его шла кругом, он вдруг впал в какой-то раж с явным помутнением сознания. Мишка рванул замок палатки вниз, выскочил наружу, подбежал к непогасшему костру, сложенному из основных двух брёвен лиственницы, выхватил оттуда горящий сук в метр длиной. Размахивая им, Мишка устрашающе прокричал: «А ну, кто здесь у меня шарится, а-а-а?! Па-адла!!!» — и ринулся на невидимого противника.

Это всё же был медведь. И, похоже, молодой, может, только первый год без матери, воровал — в первую свою самостоятельную берлогу готовился.

В следующую секунду зверь шарахнулся в сторону, даже не взглянув на того, кто так орал. Медведь, быстро перебирая лапами, ударил прочь, неся в пасти что-то белое.

Мишка с дрыном в руках стоял словно парализованный. Дышал тяжело, хрипло. Попробовал крикнуть, шевельнуться, да не смог. Стоял какое-то время без движения. С конца сук прогорел, тлеющий кусок отломился и упал к босым Мишкиным ногам. Тот вскрикнул от неожиданности, приходя в себя.

Мишка подошел к палатке, натянул сапоги. Затем суматошно набросал веток в костёр — пламя ярко вспыхнуло и поднялось к темному небу, осветив пространство вокруг на десятки метров. Мишка на автомате всё подкладывал и подкладывал ветки — руки его тряслись, голова гудела. Наконец решил, что достаточно.

Боязливо оглядываясь, он забрался в палатку, вытащил из рюкзака литровую флягу с вод-

кой, а банку с золотом положил под спальник. Затем Мишка снова вылез наружу, огляделся, открыл флягу и приложился к ней основательно. Постоял разгорячённый, сделал ещё несколько глотков. И заорал — громко, протяжно: «А-а-а-а-а!!!»

Умолк, отхлебнул из фляги. Попытался вновь крикнуть, но голос сорвался. Он закрыл флягу, закинул её в палатку, а сам пошёл к костру. Тревога не давала покоя: он тут же вернулся за банкой с золотом.

Алкоголь подействовал быстро. Мишка редко, как говорится, употребляет — даже пиво. Оттого такая доза — наверно, целый стакан, — быстро опьянила его. Он выронил свою банку на мягкий мох, поднял обломок сука, замахнулся им над головой и издал победный вопль. Что-то такое киношное: «Й-й-ё-ё-ху!!!»

Из своих съестных припасов Мишка достал какую-то консерву, вскрыл ножом. На секунду мелькнуло в голове: надо бы суп... нет, просто на огне разогреть... А-а, плевать!.. В один присест Мишка сожрал всё до доньшка, ковыряя в жестянке ножом вместо вилки.

Спустя полчаса, привалившись спиной к лиственнице рядом с костром, Мишка сидя спал на сухом корневище дерева, запахнувшись в куртку. Во сне он сжимал одной рукой своё «оружие» с обугленным краем. Банка с золотом валялась неподалёку.

Утром у Мишки было похмелье. Раскальвающаяся голова, чугунное тело, мутные глаза...

Он сделал себе чаю, выпил две кружки, после чего, так и не позавтракав, ушёл на реку.

День выдался солнечный, тихий. Похоже, началось «бабье лето» — так было тепло и покойно. Лиственницы по берегу реки стояли ещё зелёные, берёзы уже подёрнулись желтизной. Рядом высились вечнозелёные ели, тут же обнажающиеся к зиме заросли ольхи.

Удача в руки не шла: река как будто пустая — одни камни да вода. Да, вот нет золотишка — так и река для Мишки пустая. Хоть и рыба килограммов на пять на перекате плескаться будет да на берег выбрасываться — всё равно пустая!

Золота сегодня не было. Мишка так и подумал: «Медведь сглазил! Сволочь. Убью!»

После ночной встречи с медведем дни потекли монотонно, обыденно. Золото то шло, то не шло. Руки болели не переставая, Мишка грел их в паху — по-альпинистски, засунув по локти в штаны. Банка потихоньку наполнялась. Теперь она стала тяжёлой, словно гиря. Мишка иногда подкидывал её в руках, пытаясь определить, на сколько потянет. Килограммов восемь есть? Или десять? А может, все шестнадцать? Гантелями, штангами он не занимался, потому что определить вес ему сложно. Для себя так решил: «Банка тяжёлая — и слава богу!»

В очередной раз продукты были все съедены. Покопавшись в своих припасах, Мишка обнаружил, что денег у него осталось не так и много. Надо было ещё оставить на билет обратно, это не очень дорого до Воркуты, но всё же пятьсот рублей вынь да положь. А пятисотка — это пять банок тушёнки... А пять банок тушёнки — это ещё пять дней можно поработать... А пять дней — это золота можно намывать, найти... да сапогом накопать ого сколько!

Вечером Мишка пришёл к поезду. Пока стоял на маленьком полуразрушенном перроне, ожидая «шестьсот пятьдесят четвёртый», заметил на себе ещё больше пристального внимания, нежели раньше.

Разглядывают аборигены, рассматривают так, словно Мишка — какое-то чудовище, вышедшее из леса. Кажется, даже принимают к нему. А что, пахнет от него? Наверное, пахнет. Сколько Мишка уже не моется?.. И одежду не меняет. Брал же с собой бельё сменное, носки, футболки две, трико под штаны, даже рубашку хлопковую. Всё лежит в палатке нераспакованное.

Мишка провёл языком по поверхности передних зубов. Мерзость какая! Словно наждаком протёрли зубы. Что поделаешь?.. Всё время уходит на работу. Пять минут лишних походишь по руслу вместо чистки зубов — глядишь, и найдёшь камушек. Да и, честно говоря, такая холодыга уже на реке, что ни умываться, ни зубы чистить никакого желания нет. А уж мыться... как это?.. от пояса и до пояса?.. Идиотство!

Ладно, приедет домой — помоется. Но зараза, чешется как, а? И «чесалку» свою с собой Мишка не взял... Прикинул, что будет, если сейчас он подойдёт к разбитому бараку бывшей стан-

ции посёлка Полярный и почешется спиной о забор, как свинья. Хотел Мишка рассмеяться, но не смог: так чесалось, что не до смеха.

Стоя на платформе, он старался не встречаться глазами с людьми, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания. Ещё узнают, что он здесь нашёл! Ведь известное всем месторождение золота находится дальше на восток, дорога идёт от станции Сось в горы, ехать надо на вездеходе, к тому же там охраняют, а он здесь... здесь нашёл золото. Золото! Зо-ло-то. Звучит так сладко!

Как вернулся в свой лагерь, что покупал в вагоне-лавке — ничего этого Мишка не помнил. Бросив покупки, он схватил свою чесалку и, на ходу скребя спину, ушёл на реку.

Утром проснулся, съел банку тушёнки, даже не разогревая её. Ушёл на реку. Вечером, дойдя до палатки, Мишка упал на спальник, но уснуть не мог. Голова горела. Выпил водки из фляги. Захмелев, уснул.

Наутро — подъём, чай и опять — на реку.

...Ювелир был хорошим знакомым Мишкиного отца. Дядя Изя изготавливал на заказ всякие поделки из золота. О золоте он знает всё и наверняка имеет какой-то приличный запас денег — мало ли что купить подвернётся по выгодной цене. А ещё дядя Изя — человек со связями. Евреи — они такие... со связями. Сам дядя Изя, конечно, вряд ли сможет всю партию осилить, но, глядишь, и подскажет, кому сбыть.

— Старичок-пердучок! — пропел Мишка. Улыбнулся. Просто стало смешно от такого словосочетания.

Хотел произнести какой-нибудь стих, ну хоть строчку, да сразу не вспомнилось ничего подходящего. Вместо этого Мишка стал размышлять, кто он теперь — Михаил Загий. Миллионер? Успешный человек? Или человек, который «сам себя сделал»? А может, человек, который бросил всё... всё поставил на карту... поставил и выиграл?! Можно сказать, судьбу поставил на карту! Судьба? Карма?.. Да балбесы сейчас на его месте так бы и сказали: карма... А карма — это не судьба. Тогда что?

— Карма — это автоматически действующий закон наказания за совершённые в жизни

проступки! — вдруг чеканным голосом проговорил Мишка, словно читал лекцию. Даже вздрогнул всем корпусом.

Очнулся. Обрадовался. Мозги заработали вновь! Разговор продолжился наедине с собой.

— ...А потому, мои дорогие, винить в чем-то «плохую карму» может только балбес и дурак. Каждый сам себе делает карму, идиоты. — Мишка вдруг обзлился на всех подряд. — Ещё мне угрожали!.. Обратном можем тебя и не взять в экспедицию, нам, типа, там текучка не нужна... ага.

Мишка что-то вспомнил, лицо его скривилось. Передразнивая дядю Колю, произнёс:

— «В твои годы деньги должны быть не главное!» Кто тебя спрашивает, дядя Коля, что в мои годы главное, а что не главное? Сам прожил, с рубля на рубль перебиваясь, и мне такое же советует... Честь! Достоинство!! — распалаясь Мишка. — По-ошли вы все!.. — и вдруг сорвался голосом: — Нищие!

«Кто это орёт?» — Мишка вздрогнул. Сообразил, какой сегодня день. Это сегодня он ходил к поезду? Нет? А когда?.. И зачем вообще ходил?

Мишка оловянными глазами смотрел на тушёнку. Тронул пальцами — тёплая, значит, подогревал на костре. А кто банку открыл? Не сама же? А на реке он сегодня был?.. И когда он последний раз готовил себе еду? Ну хоть суп какой-нибудь? Ничего вспомнить Мишка не мог.

Он достал сотовый телефон, включил. Часы на дисплее показали восемнадцать тридцать. А за «окошком» темно. Двадцать пятое, девятого месяца. Двадцать пятое сентября! Это он здесь уже почти месяц?! Вроде вчера было пятнадцатое? Правильно, он ведь работал? Какие дни, какие числа?.. Только вперёд!

Мишка вышел из палатки. Темнота, ночь — хоть глаз выколи. Только вдаль, за поворотом реки, светлела полоска неба — это горели фонари над тем, что осталось от «сто десятого километра». Был посёлок геологов при коммунистах, да сдох при демократах. Вот всё же дураки — эти новые власти! Вначале всё разрушили, теперь что-то пытаются восстановить. Но вначале-то разрушили! Даже нет — разворовали! Всех их, сволочей, повесить надо! Никого не жалеть! Здесь у них под боком, под ногами золота столько, что можно десять таких посёлков содержать. Надо лишь иметь голову на плечах!

Мишка, вспомнив про голову, почувствовал, что там у него жарковато. Ну, как-то не так, как обычно. Потрогал лоб — горячий. Не то чтобы горячий, но и не холодный. Не дай бог заболел!

Мишка дёрнулся в палатку, достал из рюкзака таблетки. Проглотил две парацетамола, запив водой, и опять вылез наружу. На воздухе дышалось легче.

Через полчаса, как показалось Мишке, всё прошло, но появилась слабость, а на теле осел липкий пот.

Присев на брёвнышко у костра, он посмотрел на ночное небо с крупными звёздами. Они горели огнём, сверкали так близко, что хоть рукой дотянись. Вот это — Вега, переводится как «птичка гриф»... А вот звезда Арктур — это альфа созвездия Волопаса... Легенда была у древних греков. Волопас-сволочь на охоте затравил насмерть собственную мать — Большую Медведицу... Или нет? Арктур затравил? Арктур — это же арктос, а арктос — это «медведь» в переводе с греческого. Или нет?.. Нет, конечно! Как могла одна звезда затравить целое созвездие? Да хрен с ними! А вот под «ковшом» две звезды сияют — Астерион и Хара, это созвездие Гончих псов, верных псов Волопаса... А вот и Полярная — маленькая, в сущности, звёздочка, а сколько про неё сказано, даже песен написано. И мало кто знает, что истинно в центр оси Земли эта звезда встала лишь в двухтысячном году, а через тринадцать тысяч лет место своё уступит Веге... Это нутации и прецессии Земли, мать её!.. Вега будет потом «полярная», потому что Земля северным полюсом описывает круг на небе.

Голова вроде не горела, Мишка почувствовал облегчение. Он залез в палатку, проглотил ещё таблетку какого-то окса... окси... «оксизепама» — собрал наконец буквы глазами, — непонятно по какой причине оказавшегося в походной аптечке. Говорят, помогает успокоиться.

Перед сном Мишка вновь попробовал что-то вспомнить из поэзии, мыслей великих людей, что-то такое... такое... подходящее для сиюминутного состояния. Вспомнил другое. Начал так:

— Идиоты, они думают, я буду возвращаться в их вонючую экспедицию, в их паскудный мир искателей того, что никому не нужно...

Бариты! Ох, дураки! Они думают... что же там про золото у великих?.. Как же там?..

Мишкино сознание уходило в сон. Так... Как же там у великих про золото? Золото... Вместо слов «великих» Мишка отчего-то вспомнил детский мультфильм «Золотая антилопа». Тут же в голове закрутилось голосом жадного мультяшного раджи:

— Ещё золота!.. Ещё, ещё!.. Ещё! Сжался, пощади! Довольно!..

Веки сомкнулись, и Мишка уснул.

С этого дня он стал чувствовать себя совсем плохо.

Осень была на исходе. Через пару дней пошёл снег. Первый снег. Конец сентября. Всё верно — Заполярье. По утрам у реки Мишка видел мелкие заводи по берегам, затянутые прозрачным и тонким, как книжный листок, ледком. Через него проглядывали камушки... камушки... Надо искать камушки!..

Ночи становились длиннее, дни — холоднее. Над Мишкиной головой, между гор Полярного Урала, над Собским перевалом, с гомоном и криком тянулись на юг птичьи стаи. То гуси полетят тяжело и плавно, то утки, весело и суетливо махая крыльями, то лебеди — грациозно, изящно. А вон чайки с ломаными изгибами крыльев разорались друг на друга. На юг!

Пора уже и Мишке собираться.

Сейчас, сидя в палатке, при свете фонарика он копался в рюкзаке. Нашел аптечку. Парацетамол кончился, анальгин, которым спасался от боли, тоже...

Что там у великих про болезни? Про температуру? Про осень? «Унылая пора...» Кислых щей очарованье... Эх, сейчас бы щей горяченьких! Кто сказал?..

Голова тяжёлая, ничего Мишка не помнит. Ан нет! Вспомнил: «Простейший способ освободиться от власти золота — это иметь его в избытке». Это сказал Сальвадор Дали. «Зачем мне это сказал Сальвадор Дали? — бредовая мысль посетила Мишку. — Откуда я это знаю? Просто читал... просто читал... А можно читать просто? Или необходимо направление в чтении книг? Что? Кто здесь?..»

Мишка выглянул из палатки, заорал в пустоту: — Кто здесь?!

Вокруг было тихо, темно. Нырнул обратно.

«Надо ехать домой. Домой, — думал он. — Всё помню. Весной вернусь... летом... Вернусь! Это моё место... Моё месторождение! Боже мой! Никто даже не задумывался, как звучит это слово! Что оно говорит. Моё место. Моё! Место! Рождения!! Все идиоты, все!.. Все дураки и... эти... олухи! Олухи царя небесного! Фофаны!.. Люди и должны быть тупые, потому что один может, а другой не может. Потому что один знает, а другой не знает... потому что... одному позволено... «Квод лицет йови, нон лицет бови!» Латынь! «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»! А-а-ах, шоб вы сдохли все, неумейки!»

Мишка вновь вылез наполовину из палатки, заорал:

— И чтоб все сдохли, кто сюда придёт за время моего отсутствия! Все чтоб сдохли!!!

В ту ночь его трясло то ли от температуры, то ли от страха. Он вдруг осознал, что работа его здесь закончилась, он намыл почти целую банку золота. Теперь её надо привезти домой. Нет... Его надо привезти домой, его!.. Золото.

А если вдруг придут какие бродяги, прознавшие, подсмотревшие, пронюхавшие, что Мишка здесь месяц делал, зачем по реке ходил?.. Ну-ка, иди сюда! Видишь дуло? Это дуло пистолета. Отберут банку. Отберут весь труд его. Мечту жизни, которую он воплотил в реальность! А вот им сейчас!..

Мишка выскочил из палатки, прихватив с собой топор, банку с золотом. Отошёл на десяток метров от стоянки и в лунном свете под берёзой закопал своё сокровище в рыхлом мху.

Вернулся в палатку, залез в спальник и забылся тревожным болезненным сном.

Утром еле проснулся. Мишка помнил лишь то, что сегодня надо уезжать. В полдень поезд. Остальные события вчерашнего дня начисто исчезли из памяти.

Сунулся было к банке привычно погладить стеклянный бок, но на месте не нашёл. Мишка нервно пошарил руками под спальником. Закатилась, что ли? Но банки на месте не было... В голове щёлкнуло, будто получил удар в темя, боль сдвинулась к вискам и вниз. Миш-

ка замер. Кто? Никого не было... А если когда спал?... Температура, сон тяжёлый...

Секунды он мёртво, безжизненно смотрел перед собой. Потом вскочил и вылетел из палатки с топором в руках. Воздух сотряс его вопль:

— Суки! Где?! Где?!

Глаза его упёрлись в берёзку, что стояла сбоку. Мишка подошёл к дереву. У корней явно недавно рыли.

Отбросил топор. Мишка, тяжело дыша, стал расшвыривать мох во все стороны, как это делает какое-нибудь животное, когда надо добраться до пищи. Очень быстро ему показалась банка. Мишка вытащил сокровище наружу, прижался к стеклу щекой и разрыдался в голос, размазывая грязные слёзы по давно не мытому лицу.

— Моё, моё... Никому тебя не отдам, ты моё!.. Моё!.. А-а!.. — то шептал, то ревел он. — Я работал, я намыл... Я... Моё!.. — Мишка поцеловал банку; поднявшись на ноги, осмотрел волчьим рыщущим взглядом окрестности, заорал во всё горло: — Моё, слышите вы?! Моё, я сказал! Я намыл!.. Я!! Твари! Твари!! — и вдруг тихо хриплым голосом, словно устал: — Хрен вам всем!

Умолк, испугавшись, что его услышат, ведь тогда точно придут и отберут... Не удержавшись, негромко, зло добавил:

— И-ишь, закопали тихонечко от меня.

И вдруг кто-то невидимый, неведомый прямо над головой проговорил ему властно и громко, как дубиной ударил: «Уезжай сейчас же! Пропадёшь!»

Мишка вздрогнул. Кто сказал? Кто здесь?! А?.. Кто здесь?

— Кто здесь?! — заорал он, вертясь вокруг себя волчком, изо всех сил прижимая банку к груди. Мишка споткнулся, упал лицом в мох, тут же поднялся на колени. Так, на коленках пробежался по-звериному вокруг палатки:

— Кто здесь?! Где, кто?.. У-убью!!!

Поблизости было тихо, ни души.

Мишка дрожал всем телом. Банку сжимал ещё сильнее — захрустели пальцы о стекло. Никто не отзывался ему. Мишке стало страшно. Он не мог себе объяснить, кто сказал... Кто-то ведь приказал ему уезжать! Он слышал. Мишка глянул на небо, сел на колени и молвил жалобно:

— Я уеду... сегодня уеду. Отпусти... пожалуйста. Отпусти... — вспомнив про банку, показал её небу и твёрдо отрубил: — Это — моё! Я намыл! Я с собой заберу!.. Моё, слышишь ты?!

В ответ ему молчание.

Мишка поднялся на ноги и стал спешно собирать вещи, снимать палатку.

На перроне Мишка Загий сбросил с плеч рюкзак и сел на него. Банка с золотом лежала на дне. Так несколько часов, до самого поезда, он и просидел, не сходя со своего сокровища.

Поезд подошёл к обеду. Мишка, тяжело забросив рюкзак в тамбур общего вагона, прошёл внутрь. Самое дальнее купе оказалось пустым. Оглянулся — никто не смотрит в спину? Положил рюкзак на нижнюю полку, прижал его к стенке спиной. Так ехал, не поднимаясь, не выходя ни на секунду из купе, все восемь часов до Воркуты.

В городе Мишка добрался до своего дома, поднялся на этаж, зашёл в квартиру.

Он еле двигался, тяжело дышал, лицо горело, боль давила виски. У Мишки был жар. Первое, что он сделал — проглотил две таблетки парацетамола. Через полчаса наступило облегчение. Измерил температуру — тридцать семь с половиной. Терпимо.

Мишка чувствовал себя героем. Ещё бы! Отважные золотоискатели Америки возвращались домой с приисков. А он, Мишка Загий, победитель природы севера, Заполярья! Человек, сумевший сразиться со зверем, с самим медведем! Что бы там с ним теперь ни случилось, он победил всё и всех. Выжил там, где... где мало кто бы выжил!

Мишка принял душ, аккуратно побрился, уложил тёмную шевелюру, успевшую изрядно отрасти за месяц. Потом облился приятным мужским одеколоном и сел в кресло перед телевизором.

Ничего особенного в мире за этот месяц не случилось. Мишка смотрел на экран, пока не уснул. Сон его был тревожным, кошмарным.

Ему приснилось, что банку кто-то украл, причём Мишкину-то банку вор забрал, а взамен ему подложил другую, в которой были крашенные камушки!..

Мишка встрепенулся во сне и проснулся. Торопливо прошёл в коридор, достал банку из рюкзака. Слава богу!

Его осенило: так это сам Бог с ним говорил в горах Полярного Урала! Бог разрешил ему забрать золото домой! Бог разрешил — значит, никто у него банку не украдёт.

Мишке вспомнилась работа, геологи, друзья-товарищи... Глупцы! Как там ему сказали?.. «Имейте в виду, Михаил, мы вас обратно можем и не принять. Платят у нас хорошо, а вы бежите...» Да от вас уходит надо на все четыре стороны! «Хорошо платят» — это когда за месяц можно заработать на дом, дачу, две машины, кругосветное путешествие... самых дорогих баб в мире... Впрочем, а чем они «самые дорогие»? Лживыми мордами? Тьфу! Рабы! Корячьтесь там у себя за копейки сами!

Стояло утро. Такое хорошее, немного морозное утро первого октября.

Мишка проснулся, подошёл к окну. С высоты этажа он видел на востоке, километров за тридцать, может, сорок, покатые невысокие горы Полярного Урала. Это был хребет Енга-не-Пэ, по-русски с ненецкого языка — «отдельный камень». Где-то далеко за этими склонами Мишка намыл себе на всю оставшуюся жизнь. Теперь — и это главное! — надо было с умом распорядиться своим сокровищем.

Мишка строил планы на день: «Звоню сегодня дяде Изе, договариваюсь о встрече. На первый случай понесу... Сколько?.. Камней пять? Главное — не расслабляться... Чтобы по-человечески всё... по уму».

Небо сегодня было чистое, голубое, словно вымыл кто-то. Поднималось пронзительное солнце. Вдоль улицы тянулись поникшие, почти оголённые ивовые кусты. Это были деревья Воркуты. Берёзки здесь плохо приживаются, часто гибнут, засыхают, а может, морозов с метелями не выдерживают. Вокруг ивовых кустов плотным слоем лежали сухие листья.

Мишка усмехнулся, открыл было рот, но слов не нашёл. Что это? Неужели ничего не может вспомнить про осень? Откуда-то из глубины тела к горлу подступала истерика. Почувяв неладное, он пытался взять себя в руки. Мысленно велел себе: «Тихо, не суетись!»

Напрягая память, вспомнил строки:

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса.*

— Александр. Сергеевич. Пушкин, — отдельно, четко сказал себе Мишка, не отходя от окна. — Всё хорошо. Просто этот месяц... — Здесь его лицо озарилось, он взял в руки оставленную на столе банку, осмотрел её на просвет. — Этот месяц в золото одет! Этот месяц перевернул мою жизнь с ног на голову! Буду теперь жить на голове!! — рассмеялся он дурным неестественным смехом. — Они грозились меня на работу не взять. Надо же?.. Кто они теперь? Жалкие нищие! Эти... как их?.. Нищ-щebroды! Они всегда были нищими, просто я того не замечал, пахал на них... Да все вокруг нищие! — Мишка крикнул так громко, что зазвенело в квартире: — Нищие!!! Вы все тут нищие!!!

И подумал: «Ничего. Сдам золото, оденусь... высшим классом... Приду к ним в геологию... Ох, посмеюсь над ними! Деньги вытащу да брошу на пол! Веером! На пол!»

Мишка от нахлынувшего счастья крутанулся вокруг себя и торжественно, как-то театрально опустился в глубокое кресло.

Перед его глазами оказался стеллаж с книгами — от пола до потолка, всё это были книги, книги, книги. Библиотеку собирала мать.

— Мама собирала книги, — сказал Мишка тихо. — А что они мне дали? Слова? Да, брякал. И что? За слова ничего не купишь, на них дом не построишь... на словах далеко не уедешь. А золото, что я намыл... На него можно всё! Всё!!! Кстати, книги со словами тоже можно купить на золото.

После обеда Мишка выложил все камни из банки на газетку, расстеленную на кровати. Тщательно осмотрев каждый, отобрал несколько штук, всяких. Взял и «соплю» — тот самый маленький кусочек, похожий на слезу. Так, пусть будут разные.

К дяде Изе Мишка пришёл без звонка. Старый ювелир, знавший о золоте столько, сколько Мишка не знал о поэзии, встретил его при-

ветливо, но немного удивлённо. Всё же предложил войти. Заметив, что Мишка хочет поговорить о чём-то важном, но не может подступиться к теме, дядя Изя предложил ему кофе, чтобы разрядить обстановку.

За чашечкой хорошего кофе Мишка наконец начал:

— Я тут в сентябре на Урал ходил... Ездил, значит, с геологами... На реке сидели, и, представляете, немного золотишка намыл... — он вскинул испытующий взгляд на дядю Иziu. Тот был удивлён и озадачен.

— Вот как?.. И, простите, молодой человек, много намыли? — говорил он ровно, даже как будто безразлично.

— Да так, — пряча волнение, пожал плечами Мишка, — не знаю. Принёс вот небольшую часть показать.

Он вытащил из ветровки тяжёленький полиэтиленовый пакетик. Содержимое сверкнуло золотистой желтизной — светлой, потемнее, зазвенело металлическим звоном, — звуком богатства и роскоши. Потом смолкло, как затаилось. Небрежно, словно мусор, Мишка вывалил камешки на низкий столик. Один покатился и задел чашку — та чуть подалась в сторону, словно испугалась.

Дядя Изя теперь не скрывал интереса. Из кармана рабочего халата он достал пинцет, подхватил им один самородок, посмотрел на свет электрической лампы, повернулся к окну — на дневной. Ювелир опустил камешек на раскрытую ладонь, приценился на вес. Теперь интерес в глазах дяди Изи пропал, губы его чуть дрогнули. Он понюхал кусочек — тут же лицо скривилось.

Мишка цепким взглядом ловил малейшее его движение.

Старый ювелир прошёл к рабочему месту, вытащил какие-то склянки, весы, лупу, зачем-то скальпель. Сел в кресло за рабочий стол — спиной к гостю.

Тишина давила Мишке уши, она будто сковывала его. Он даже пошевелиться не мог. Ему показалось, что он в больнице и врач ставит ему диагноз — будет жить или нет.

Наконец дядя Изя крутанулся на кресле, иронично взглянул на Мишку и... убил. Убил одним словом.

— Аурипигмент.

Мишка не знал, что оно означает, но по лицу дяди Изи догадался, к чему идёт.

А тот добавил:

— Это не золото.

Эта фраза упала на Мишку, как нож гильотины на шею обречённому.

— Как... что... то есть... — в горле у Мишки пересохло; он мысленно перебирал слова, не понимая, какое сейчас нужно поставить в разговоре, чтобы окончательно прояснить ситуацию: — Какой пигмент? Пигмент на золоте?..

— Это не золото, — членораздельно проговорил дядя Изя. — Это аурипигмент. А эс два эс три, серный колчедан, мышьяк... аурипигмент. Я не силен в минералах, не геолог, но это... это всё, — он указал пинцетом на россыпь камней на низком столике. — Хотя нет, погоди-ка. О! А это вот похоже на пирит!

— Пирит? — судорожно ухватился за слово Мишка. — Это что? Золотая руда?.. — голос его сорвался.

— Нет, молодой человек, пирит — это... это такой железный колчедан.

— Да что вы всё с этим колчеданом?! — взорвался Мишка. — Какой ещё колчедан?! Посмотрите внимательно — золото!..

Он говорил, а сам уже осознавал, что погиб, что золота нет... богатства нет... виллы, машины, тропического острова, моря, пальм — ничего нет, как не было.

Глаза дяди Изи сочувственно смотрели на Мишку. Он печально покачал головой, потом вновь взглянул на камни, небрежно поворошил их пинцетом, как мусор. Заметил «соплю». Дядя Изя взял её осторожно, глянул на свет, тут же лупу нацепил на глаза. Через пару секунд выдал:

— А вот это — золото... Сколько здесь? Граммов пять-шесть?... Но это чистое золото!

Он осторожно протянул Мишке капельку. Тот принял на раскрытую ладонь:

— И это всё?.. — кивнул на остальное.

Дядя Изя помотал безмолвно головой и, поднявшись с кресла, вышел из комнаты. Вернулся он с небольшой банкой, в которой была прозрачная жидкость. Дядя Изя осторожно поставил её на рабочий стол, снял крышку.

— Смотри. Это азотная кислота, — веско го-

ворил он Мишке. — Золото не растворяется в азотной кислоте, только в «царской водке», а «царская водка» — это смесь азотной и соляной. Одна азотная не берёт золото совсем, то есть она ему как вода.

Ювелир опустил в склянку Мишкин «самородок», и тот стал быстро уменьшаться в размерах, на поверхность вышло небольшое темное пятно, пошёл неприятный запах.

— Это выделение серы, — тут же подсказал дядя Изя. — А вот теперь смотри, — он опустил в кислоту «соплю». Крошечный самородок опустился на дно — скорее даже упал, словно жидкость была как воздух. Он лежал недвижимо, не изменяясь в размерах. — Это золото, — подтвердил дядя Изя.

Взгляд его поднялся на Мишкино лицо. Тот не сводил глаз с банки с кислотой, в которой растаяло его «золото». А ведь ту «капельку-соплю» Мишка и брать из реки не хотел!

— Даже на вес, Миша, видно, что слабовато для золота. Золото тяжелее... — терпеливо, обстоятельно объяснял ювелир. — И вот посмотри, — пинцетом он достал камешек из банки, вытер его тряпкой — от ткани пошёл дымок. Дядя Изя взял пальцами аурипигмент, показал Мишке: — Глянь внимательно. Видишь, как из пластинок состоит?.. Намывалась годами пластинка за пластинкой. Их даже резать ножом можно, края вот остренькие. А золото, наоборот, всегда имеет плавные обводы, как у этой капельки, и цвет у этих вот твоих «самородков»... лимонно-жёлтый... Золото же тёмное. Пирит вот темнее немного, но, если приглядеться... Возьми в руку вот этот кусок аурипигмента. В другую — вот этот, — отдал он «капельку». — Один размером больше, а весят оба одинаково. Почувствовал?

Мишка сделал это на автопилоте. Соображения у него не было — мозг как будто умер.

Дом. Вилла. Две машины. Кругосветное путешествие. Бабы. Красивые, дорогие, стервозные бабы... и власть! Власть, которую даёт золото. Власть, которую он мог обрести на этой гадкой, мерзкой земле!

Мишка всегда боялся себе признаться в том, что очень хочет власти. Нет, не той власти, какая была, например, у дяди Коли, старшего геолога. Он жаждал власти, которую может дать

только золото! Это когда пальцем шевельнул, а вокруг все тут же как по команде: чего изволите?.. Но власти теперь у Мишки не будет! Всё погибло от одного слова «аурипигмент». Мышьяк. Этакий, мать твою, золотой мышьяк! Мышьяк, зараза! Сдохла свобода ото всех! Сдохла независимость!

— Что делать?.. — дрогнувшим голосом спросил Мишка дядю Изю.

Тот помотал головой, пожал плечами:

— Из этого? — кивнул на минералы. — Я знаю, из мышьяка делают краску.

— Краску? — выдохнул от взорвавшегося негодования Мишка. — Краску?.. Как вы сказали — краску?! — едва не заорал он. — Да вы знаете, сколько мне!.. Сколько я!.. Как мне там?..

В голове бухнуло, Мишка вымученно откинулся на спинку стула.

— Михаил, — спокойно и взвешенно ответил дядя Изя, — я при чём здесь? Я только объяснил вам ценность находки. Можете забрать с собой эту склянку с кислотой и проверить все камни дома. Только осторожно, это всё же кислота. Для человека может быть смертельно.

Мишка забрал свои камни, банку с кислотой. Ушёл не попрощавшись.

Домой брёл как во сне. Ничего кругом не видел — только дорогу под ногами.

А кислота азотная в банке стала сейчас мериллом Мишкиной жизни: растворит камни — жизнь кончится, не растворит — жизнь вспыхнет новым рождением.

Дома, тщательно выбрав, он бросил в кислоту первый камень. Затаился, боясь и дышать. Пошёл отвратительный запах. Затем бросил ещё один камень... потом ещё и ещё.

Через пару часов Мишка стоял в комнате у окна, глядя вниз на улицу — на гуляющих детей и собак, проезжающие машины.

Он поднял взгляд к небу, спросил кого-то тихо, осторожно:

— За что?..

Небо не ответило.

Мишка отошёл от окна, повалился в кресло, глаза уцепились за тяжёлую люстру на потолке.

Голова вдруг заработала столь ясно и чётко, как уже не было много дней подряд. Привыч-

но вонзилась в мозг очередная строчка из когда-то прочитанного. Слова сами собой всплывали в Мишкиной памяти. Он её не искал, не силился припомнить. Великие слова как будто в закоулке воображения поджидали Мишку. Слово по волшебству мозг выдал:

«...Затем он возвратился в комнату и запер за собою дверь на щеколду. Дым от сгоревшего мяса ел ему глаза. Он встал на скамейку, перекинул ремень через балку и измерил длину ремня глазами. Ему показалось, что ремень короток, и он поставил на скамейку стул и влез на него. Он сделал на конце ремня петлю и просунул в неё голову. Другой конец он привязал крепче. Затем оттолкнул стул ногой». ¹⁰

Примечания

¹ Цитата из романа Михаила Булгакова «Жизнь господина де Мольера».

² Из стихотворения Ивана Бунина «Полярная звезда».

³ Из стихотворения Константина Бальмонта «Драгоценные камни».

⁴ Из стихотворения Роберта Бёрнса «О золотом кольце».

⁵ Из песни Владимира Высоцкого «Старательская».

⁶ Рубаи Омара Хайяма.

⁷ «Johnnie Walker» Blue Label – один из самых дорогих сортов шотландского виски.

⁸ Из стихотворения Осипа Мандельштама «Сусальным золотом горят...»

⁹ Карандаш – мелкий хариус.

¹⁰ Из рассказа Джека Лондона «Тысяча дюжин».

рассказ

В феврале в середине десятых годов нашего века под Воркутой случилась беда. В полусотне километров южнее города бригада оленеводов перегоняла стадо оленей через железнодорожный путь. Стадо большое – сотни голов. Выходили животные на насыпь не спеша, озирались по сторонам, хоркали носами да принюхивались к земле, выискивая корм. Олени, в отличие от тех же коров, идут сами, подгонять их невозможно. Кнутом здесь не пощёлкаешь. С юга на обогатительную фабрику Воркуты в это время на полном ходу шёл товарный порожняк – шестьдесят ваго-

нов под уголь. Утро было мгlistым, светало медленно, видимость — метров пятьсот.

Когда машинист тепловоза заметил на путях стадо оленей, вначале даже не понял, что происходит, потом на пару секунд понадеялся, что оленеводы отгонят оленей с путей, потом решил тормозить. Время было потеряно.

Олени переходят дорогу не поодиночке, не волчьей вереницей, а широким ходом, бок о бок, гурьбой.

На свистящих тормозах, на скорости километров в семьдесят, двухсоттонный тепловоз, за которым тянулось более полусотни вагонов, врезался в стадо, словно грузовик — в курятник. Первый десяток оленей тут же взвился в воздух. Пролетев метров сорок над тундрой, олени упали бездыханно в снег, хоркая горлом, дрыгая ногами да истекая кровью. За ними последовала другая партия оленей, что переходила дорогу чуть в стороне и была ещё больше. Тепловоз прошёлся по ним, словно на пути и не было никого. Олени, как мягкие игрушки, взлетали вверх и там уже разрывались на части, окрашивая снег кровяными пятнами. Когда состав наконец остановился, в тундре стоял лишь один сплошной хрип умирающих животных. Погибло около сотни оленей — десятая часть стада.

На место происшествия прибыли представители прокуратуры, следственный комитет, полиция. Ходили по путям, по снежной целине, считали убитых животных, определяли вероятность столкновения, что там ещё... На другой день оленеводы стали собирать остатки оленей, что могли пойти в пищу, но уже к вечеру в тундре пошёл снег, подул ветер — в курьеме метели подбирать убитых животных стало невозможно.

А через сутки с Баренцева моря в Воркуту пришла пурга. Настоящая пурга, с оттепелью. Снег валил крупный, мягкий и влажный, прилипал ко всему, до чего мог добраться. Город жил пару дней в одном белоснежном хаосе. Потом утихло. На пару часов вышло солнце. Было воскресенье.

Проснувшиеся воркутинцы увидели довольно привычную картину: город засыпало. Вместо дорог и тротуаров образовались сугробы, на

которых уже темнели глубокие проторённые тропинки, а вместо автомобильных парковок во дворах — снежные холмики из машин.

Сорокалетний Савелий Гирский работал в Воркуте водителем грузового КамАЗа. Возил шахтную породу на отсыпку, где прокладывали трубы газопровода, который тянулся с полуострова Ямал через Байдарацкую губу, а потом через Воркуту, через всю Большеземельскую тундру на юг и там уже далее — на запад.

В Воркуте Савелий жил десять лет — приехал как-то мигрантом с Украины, так и остался. Купил квартиру, благо что здесь стоило недорого. Поначалу сменил несколько профессий: был шахтёром, экспедитором, штукатуром-маляром, каменщиком... Шахтёром долго не выдержал — хоть и парни там что надо, но темно внизу, под землёй, тесно в шахтных выработках. Не для Савелия это. Экспедитором — побоялся, что воровать начнёт. На всякие малярные краски аллергия пошла. Так и вернулся к шофёрской работе. На своей Украине, в Полтаве, водителем тяжёлого грузовика проработал не один год, потому и взяли без особых вопросов.

Через пару лет, как обустроился в Воркуте, Савелий съездил на родину, женился на раскрасавице местной — Наташке, увёз её на «север дальний» — в Россию. Наташка вначале ершилась, но потом, взвесив по-женски все «за» и «против», поняла: будущим детям лучше в пурге да накормленными, чем в украинском раю, да с переборами, с неизвестностью — а что там завтра.

А тут дочка родилась. Назвали Оксаной. Ещё через два года — сын Володька. Наташка хотела было его в метрике записать по-украински «Володимир», но Савелий сразу отрезал все попытки, заявив: «Вот ещё! Будешь здесь дурью маяться! Чтоб смеялись над пацаном! В России живём».

А жить в Воркуте было непросто, непривычно. Частных дворов здесь не было. Куры не квохтали, как на родной Украине, петухи по утрам не пели, собаки по ночам не брехали на чужих. Так... орут да визжат иногда под окном девки молодые, да бранная речь изредка рвётся снизу до третьего этажа в стоквартирном доме. Зимой темно три месяца, морозы под

сорок, метели такие, что соседнего дома не видно в тридцати метрах. В воздухе кислорода не хватает.

Четырнадцатый год с новостями из Украины Савелий встретил холодно. На работе своим сказал лишь один раз по пьянке и больше к этой теме не возвращался: «Дурачьё тупое, на дармовую дешёвку подались! Нашли себе героя!.. Бандера! Кому «бандера» — тому чемодан, вокзал, Галиция! Правильно отец говорил: все они там ополеченные да обавстрияченые. Это же надо так людей оболванить!»

Сам по себе Савелий был человек прижимистый, накопительный. В сущности, как и любой порядочный и хозяйственный хохол.

Иногда случалось ему не без шуточек оправдываться:

— Шо вы хочите? Я — хохол, южнорусский человек с примесью турецкой крови. У меня прадед, как у Шолохова, там один у романа... сто лет назад дивку себе приволок из Турции... — Имел в виду последнюю войну с Турцией 1877 — 1878 годов. — С этой... как её городину?.. Кабулетти! Слышали такой посёлок? Теперь Грузия. На кой мы её, Грузию эту, от турок спасали? Людей своих клали, русских, на закланье?.. Дурачьё!

Пару лет назад Савелий купил себе старенький снегоход, который то работал, то не работал. Прав на управление снегоходом у него не было, да и ездить ему, в сущности, на нём было некуда. Так... катался на авось в тундре возле города. Всё ждал, что случится первым в этих прогулках: снегоход сдохнет или гаишник нарисует? Зачем купил — Савелий и сам не знал. Продавали задёшево, вот и купил.

После случая на железной дороге со стадом оленей потянулись по Воркуте слухи, что туш этих зарезанных в тундре сейчас столько валяется, что можно весь город накормить.

Бесхозные?! Как же так? Разве можно, чтоб бесхозно валялось мясо? Если ничьё, надо прибрать... к рукам прибрать. По-хозяйски.

И засобирался тут же Савелий в тундру на своём снегоходе. Даже выходной внеочередной выпросил у начальства, пообещав взамен кусок оленьей вырезки.

Мысль о дармовом мясе Савелия мучила давно. Товарищи по работе иногда рассказывали, что всякие бесхозные олени часто бродят недалеко от города... «Если с ружьём поехать... понимаешь?..»

С ружьём, правда, как-то всё откладывалось: времени у Савелия не было проходить комиссии да курсы в полиции. А здесь — такая удача! Это же просто дар небесный — поезд задалил сотню оленей! Вряд ли все туши оленеводы могли собрать. Пурга два дня шла, присыпало снегом! Надо срочно ехать и хорошенько поискать.

Собираясь в поездку, в гараже Савелий достал собственноручно изготовленные санки-салазки в полтора метра длиной, с откидной задней частью. Они представляли из себя обычный лист фанеры, загнутый спереди, вверх по форме лыж, которые были намертво привинчены по бокам. Сверху санок на рояльной петле — откидывающаяся часть, которая при желании могла увеличить площадь до двух метров. Конечно, вид такого прицепа явно наведёт местных полицейский на всякие мысли... Но, как говорится, не пойман — не вор! А на обратном пути, решил Савелий, он пройдёт до речки Воркута и там по её руслу выйдет к городу со стороны ТЭЦ. Если ехать вечером, то народу там не так и много. Проскочит. Дом-то у него на окраине города стоит.

Только пурга стихла — сразу и покати.

Утром перед отъездом пятилетнему сыну Володьке сказал: «Папа — в магазин... В далёкий магазин за мясом. Будем сегодня строганину есть».

День для такого мероприятия выдался так себе. Пурга только-только угомонилась, наметло много снега. Он простирался новыми белыми «языками» по тундре — от одного скопления кустов тальника до другого.

Снегоход Савелия шёл легко. Солнца не наблюдалось. Ветер практически отсутствовал. Небо было хоть и в тучах, но не такое хмурое, как обычно перед непогодой.

На месте трагедии туш оленей, зарезанных тепловозом, практически и не было. Кое-где валялись ломаные рога да оторванные копыта.

А так — пусто, снежно и не более. Пурга ещё присыпала. Однако Савелий не сдался и долго тархтел снегоходом вначале с одной стороны железнодорожных путей, потом — с другой.

Тушу своего оленя Савелий нашёл метрах в ста от места трагедии. Олень был уже приморожен, пурга его закидала снегом так, что сверху торчали лишь копыта, рога были обломаны напрочь, голова разбита. Похоже, олень этот встретил тепловоз, как говорится, лицом к лицу.

Савелий на всякий случай оглянулся, достал лопатку небольшую, быстро откопал тушу, уложил её на санки.

Ноги оленя нелепо торчали по сторонам. Савелий достал топор и прямо на санях обрубил голяшки с копытами. Развернул заранее приготовленный брезент, перетянул им тушу, перевязал её капроновым шпагатом, осмотрел со стороны. На что похоже? На тушу оленя только и похоже, вынужденно согласился он.

Едва тронулся в обратный путь, как задул ветер, стал подниматься снег. Началась низовая метель. Низовая метель — это не страшно: дует ветер, подхватывает снег, крутит его, но видно всё на километр вперёд.

Ветер был с запада — выходит, в бок, когда по «железке» возвращаешься в город. Неудобно, но терпимо. А сейчас это даже Савелию выгодно — поменьше в тундру вылезет таких же любителей поживиться оленьиной, да и всяких «охранителей» порядка будет поменьше.

«А может, позвонить напарнику Сашке, — думал Савелий, — чтоб к оленьсовхозу подскочил на грузовичке? Прямо в тундру, в районе кладбища. Спрятали бы оленя за борта... Нет. Тогда придётся Сашке полтуши отдавать или четверть. Обойдётся».

О!.. Савелий похлопал себя по карманам. А телефон-то сотовый он дома в спешке позабыл. Вот дела! И ладно. Меньше будет соблазна напарникам всяким звонить. Главное — добраться до дома, довезти тушу без приключений и лишних встреч.

Мама дорогая, это ж теперь у него полцентнера мяса дармового!.. Пятьдесят кило! А если перемножить? Рублей четыреста за каждый килограмм?.. Двадцать тысяч выручки!

Минут через тридцать Савелий выехал к ручью с обрывистыми берегами, по нему надо было добираться до речки Воркута.

На ручье мело поменьше: русло извилистое — ветру негде разогнаться. На речке тоже будет потише, чем в открытой тундре. А дальше руслом — до ТЭЦ, мимо трубы, до стадиона «Юбилейный», а от него триста метров — и дома! Дворами. В пурге и проскачет.

На очередном повороте ручья Савелий остановился и замер. Ему даже показалось, что его «Буран» сам заглох от увиденного. Прямо перед ним, метрах в пятидесяти, из заснеженного ручья торчал вездеход. Он лежал гусеницами кверху, но можно было разглядеть — большой, мятый, грязно-зелёный вездеход. Если судить по снегу, осевшему на гусеницы, машина лежала здесь около суток. Высокий, обрывистый берег, откуда сорвался вездеход, был весь изрыт и вспахан, словно там бомбу взорвали.

«Это как же тебя?.. — удивился Савелий. — Прямо со скалы кувырнулся?»

Он подкатил ближе, слез с «Бурана», осторожно подошёл к перевёрнутой машине.

«Только чтобы без людей, — вдруг заколотило в голове, — только бы без людей... Да, вездеход перевернулся. Люди выбрались и ушли в город за помощью...» — придумывал себе для успокоения.

И всё же, склонившись к водительской двери, Савелий на всякий случай крикнул: «Живые есть?..» В ответ никто не ответил — и слава богу.

Савелий открыл дверцу — никого. Заглянул глубже — в полумраке вездеходного салона заметил оленьи копыта. «А-а, вот как? Ещё один любитель поживиться дармовым мясом! — усмехнулся. — Сколько ж здесь туш? Штуки три?..»

Только он хотел влезть в кабину, как откуда-то из глубины вездехода раздался слабый хрип со стоном. Савелий вздрогнул, словно туша оленя копытом ударила его под дых. Напряг зрение и увидел там скрюченного человека с намотанной на голове тёмной тряпкой.

— Ох ты й-ё-ё!! — вырвалось у Савелия. — Ты кто? Эй, слышишь меня?

Его пронзила страшная мысль: раненый!.. Да не дай бог!..

Быстро забравшись внутрь, Савелий лучше рассмотрел раненого. Парень лет тридцати, тряпка на голове оказалась полотенцем, насквозь промоченным кровью. К обеим ногам на уровне голеней были привязаны небольшие дощечки. «Шины! — догадался Савелий. — Значит, сломаны ноги. Не удивительно. Такой кульбит с обрыва!»

Стоя на четвереньках прямо на оленьих тушах, Савелий аккуратно подхватил парня под мышки, потянул на себя — к выходу.

— По мясу ходим, мать твою! — выругался он. Парень опять застонал.

Не без помощи всем известной «матери», совершавшей нехорошие разгульные поступки в своей жизни, припомнив все деликатные детали физиологии как женщин, так и мужчин, Савелий рывками вытянул парня из вездехода. Усадил его на снег, оперев о корпус машины. Парень открыл глаза, губы его дрогнули, он шепнул совсем тихо:

— Ты что тут делаешь?..

— Живой, — тяжело дышал Савелий, — ещё есть кто?

Парень мотнул головой и вскрикнул от боли.

— Кто будешь? — спросил Савелий, оглядываясь.

Снег вокруг стало крутить сильнее, вихри его рождались ниоткуда и белыми столбиками поднимались вверх. Когда низовая метель начинает мести лёгкими завихрениями, поднимая снег в небо, а ветер меняет направление — это предвестие пурги на севере.

— Лёха, — через силу представился парень, словно тяжёлый груз на нём лежал. — Обрыв я не заметил, снег навалил, а «дворники» сломаны, залепило стекло... А тут ручей... Перевернулся.

— Ноги — что? — Савелий кивнул на дощечки, замотанные чем придётся.

— Поломаны... Я очнулся — в крови весь... Перевязать себя успел... Кровь остановить не мог... Может, вена? Или... как её... артерия?.. Встать не могу... Пробовал. Холодно.

— Вездеход чей? Искать будут? — спросил Савелий.

— Личный вездеход... Списанный он... Искать не будут.

— Мобильный есть? Позвоним в МЧС.

— Телефон тут, — парень едва кивнул на нагрудный карман куртки, — пробовал. Не берёт. Далеко.

Савелий выругался ещё раз себе под нос, вновь оглянулся. А что оглядываться? Ручей как ручей. Чего тут смотреть? Надо думать, что делать. Куда его? С собой на «Буран» не посадишь: ноги сломаны, голова висит. А место на санках занято. Ну да, занято. А как?.. Да и не для раненых он брал санки! Это, вообще-то, для мяса. Для оленя, так сказать...

«Да уж, приехали! Вот тебе и олень!» — сам ответил своим размышлениям Савелий.

Идея скинуть с саней тушу ему очень не нравилась, но теперь она никак не выходила из головы. Тушу оленя придётся оставить здесь. То есть выбросить!.. От такой перспективы зануло где-то под горлом — даже перехватило дыхание.

Савелия осенило: «А может, положить парня на тушу? А что? Шкура нагреется в минуты! И Лёхе тепло, и олень останется. Нет, — осадил себя, — шкура не нагреется в минуты! Потому что это замороженная туша!.. И что прямо вот не поехал?.. — сокрушался он по добыче. — Вдоль «железки»... Поехал бы прямо — никого бы не встретил. Не мучался бы вопросом. М-да... хреново. И мяса жалко, и самому скотом становиться нельзя».

— Пуржить начинает, — тяжело дыша, выговорил парень. — Делать что будем? — испытующе глянул на Савелия и предложил, чтобы не навязываться: — Если что... не можешь... так езжай. В городе МЧС скажи, где я сижу... Идёт?

— Да нет, не идёт, — тихо выговорил Савелий, ругаясь про себя. — Куда тут езжай?

Он в который раз с досадой взглянул на раненого парня, который сейчас просто воровал у него таким трудом добытую оленину. Да, обокрал в одну секунду на полцентнера мяса! А может?.. Или... Нет, не может.

«Вот тебе и олень. Тушу всё-таки придётся бросить здесь», — мелькнуло в голове Савелия.

Нет, смириться с этой мыслью было сложно. Полцентнера мяса!.. Полцентнера мяса надо было сейчас просто вышвырнуть на снег...

А может, Лёха сумеет на заднем сиденье? Может, удержится? Да куда ему — со сломан-

ными ногами да с головой, которая и так... висит... вона... как колбаса домашняя!

«Да что ж ты будешь делать-то, а?! — уже злился про себя Савелий. — Ну что за жизнь?! Только нашёл и тут же потерял!.. И не потерял, а выбросил даже своими руками!.. Тьфу!!» — даже плюнул от злости на снег.

Афера с олениной срывалась так глупо, что... Савелий вздохнул обреченно и стал отвязывать тушу от санок. Управившись, поволок её в сторону, под обрыв, где намело много снега — там можно было зарыть.

— Ты лучше её в вездеход забрось! — хрипло подсказал Лёха. — Там песцы не достанут.

— Ага, — кивнул Савелий, припорошивая снегом своё мясо, — потом эмчезсовцы их вместе с вездеходом и твоими тушами себе заберут... Куда там!.. Нашли дураков!

Санки он разложил полностью, откинув площадку сзади. Ростом бог Лёху не обидел, да и весил он килограммов под девяносто. Вытянет такого «Буран»-то?

Ещё как вытянул. Вначале даже как-то излишне легко «Буран» потащил за собой санки с Лёхой, замотанным в брезент.

Прятаться теперь необходимости не было, Савелий решил ехать в город по прямой. Теперь чем они быстрее выйдут на людей — тем лучше. А если встретят вездеход в тундре — вообще красота! Тогда можно будет Лёху — им, а самому — назад за оленем... а?

На подъёме из русла ручья «Буран» пару раз побуксовал, вырвав из-под себя вихрь пережёванного гусеницей наста, да и выполз на равнину тундры.

Время было — полдень. Пошёл мелкий снег. Ветер не то что не стихал, а и усиливался. Низовая метель стала переходить в обычную пургу. Она захватывала всё пространство перед Савелием. Ветер попытался пару раз прорвать снежную завесу, да не получилось: снегом обдал и всё. Но в этот миг Савелий увидел далеко впереди себя чёрную полоску неба: это дымит город.

Ветер переменился: в спину дул южный. Так, держим курс.

Савелий обернулся, глянул на Лёху — тот ле-

жал на санках перемотанный брезентом, как мумия, покойник...

А вот поехал бы Савелий прямо — так лежало бы на санках оленьё мясо! Пятьдесят килограммов свежего мяса! Может, не поздно ещё вернуться за тушей, а? А как же Лёхе — МЧС?..

Тут же сверху снег обрушился так плотно и вязко, что пространство помутнело, как в молоке. «Мумия» Лёхи стала ещё больше напоминать волочащегося по земле покойника.

«В страшном сне такого не увидишь», — пробормotal себе под нос Савелий. Опять мелькнула в голове шальная мысль: а если бы он тушу оленя привязал следом за санками, вытянул бы его «Буран» такой паровозик?

«Мерзко, да? А что мерзко? — противилось его сознание. — Почему мерзко? Ещё неизвестно, что и кто важнее: этот парень чужой или мясо в дом родной?»

Савелия же дома с олениной ждут, а не с этим... Савелий случайно проезжал — вот попал, так попал.

«Буран» шёл ровно, мотор гудел монотонно.

Тундра расстилалась перед ними гладкая, снежная, без кустов. На пустыню похожа. Дорогу, точнее, направление впереди было практически не видно. Стена, бушующая белой мглой, приоткрывалась перед ними на пять или десять метров, укутывая путников холодной кутерьмой.

Очень скоро пошёл колючий снег. Он осыпал лицо Савелия мелкими иголками, налипал на глаза и, тая, стекал по щекам.

Снегоход теперь ехал медленно, словно пробирался, высматривая дорогу, стараясь не сбиться с пути.

Пути этого Савелий как раз и не знал — знал лишь направление.

В пургу жизнь в тундре замирает: не встретить ни куропаток, что при опасности стрекочут клювами, как деревянными трещотками; ни мохноногих канюков, что парят в вышине неба, выискивая зазевавшегося лемминга на снегу да изредка оглашая белые просторы ледяной пустыни своим клёкотом. Не будут мелькать меж кустов осторожные, но любопытные пес-

цы с пушистыми хвостами, вынюхивающие норки мышей. Да и вся прочая живность будет сидеть где-то под кустом, свернувшись клубком от непогоды, и ждать затишья в тундре. Причём под другим кустом, в десятке метров от какого-нибудь зайца, может сидеть его хитрый враг — белая сова, она будет моргать глазницами, крутить головой, но не двинется с места, хотя возможная добыча совсем рядом. А вот ветер стихнет — зайцу конец.

Снегоход шёл в пурге тихо, едва-едва перекрывая своим урчанием завывания ветра. Хорошо, хоть снег был мелкий, колючий: такой сразу не липнет к насту, а собирается в ложбинках и трещинах, не мешая движению. И снегоход, и сани по жёсткому насту идут свободно, легко.

Савелий старался держать направление так, чтобы ветер постоянно подгонял его в спину, еще раз ветер не мог сменить направление так скоро, а значит, идут они ровно на город, хотя в десяти метрах и не видно ничего.

В голове Савелия отчего-то навязчиво прокручивался путь от железной дороги до обрыва. Перед глазами стояла картинка: то самое место, где под обрывом он закопал тушу. Потом ориентировался в уме, в каком направлении поехал, как можно добраться к этому месту.

Всё правильно: тушу ведь надо будет потом забрать.

Теперь снегоход шёл чуть быстрее, размеренно. Пурга мела протяжно. Видимость — на десяток метров вперед, это ровно столько, чтобы при такой скорости остановиться и не кувырнуться с обрыва вниз, как Лёха.

Савелий изредка оборачивался, смотрел на раненого парня.

«Да на кой же леший ты, Савелий, поехал к реке Воркута?.. — поругивал себя. — Эх, Савелий, Савелий! Поехал бы напрямик по «железке» в город... Лёха бы сдох, да? Ну да — скотство. Но оленя так жалко!»

Теперь кто его знает — найдёт ли Савелий того оленя... Да и сможет ли привезти обратно? А так бы сейчас под покровом пурги спокойненько по городу прошмыгнул — и всё!.. Ах, ты же напасть! И надо же было Лёхе за эти-

ми тушами поехать?! Мяса ему подавай! Мародёр хренов!

Ветер порывами бил так, что снег залетал Савелию за воротник, под которым был плотно уложен шарф. Насквозь продувало и зимнюю куртку, и кожанку под ней, и свитер шерстяной. Савелий поднял капюшон, застегнул замок под самое горло. В голове мелькнуло: может, Лёху проведать — не набилось ли ему снега под одежду?

Остановились. Савелий сошёл с «Бурана». Порыв ветра ударил ему в лицо — едва не опрокинул, но он устоял, склонился над раненым Лёхой.

Снег запорошил того уже полностью, щёки у Лёхи были мокрые. Это снег тает.

«Ленинград блокадный», — мелькнуло в голове у Савелия. Знал, как трупы возили во время войны.

— Живой? — крикнул он громко.

Лёха не сразу открыл глаза, посмотрел куда-то вверх, попытался прошептать что-то. Не получилось. Наконец прохрипел:

— Живой. Где мы? Я, кажется, отключился...

— Не знаю. По дороге в город, будем надеяться. Может, надо чего? Вон как тебя снегом замело всего... Может, перевернуть? Ногами вперед покатым? Меньше будет...

— Сдурел? «Ногами вперед!..» — из последних силёнок возмутился Лёха.

Савелий вывернул кусок брезента у его головы, немного прикрыл лицо, чтобы не порошило лишний раз.

«Буран» покатыл дальше.

Пурга выла, кружилась.

Заметало глаза так, что от налипшего на ресницы снега они не закрывались полностью и моргали как-то наполовину. Савелий хватал ресницы пальцами и согревал их, чтобы стаяло. Снег оседал на щеках, потом влагой стекал с лица и шекотал горло. Хотя ветер и дул в спину, но при сильных напорах каким-то образом залетал вперед человека, а забитый нос вынуждал его дышать ртом, куда тоже попадал снег.

Крайний Север. Заполярье. Территория Арктики. Для тех краёв это обычное ненастье.

Сколько часов шёл старенький снегоход в

пурге, Савелий не знал. Он уже потерял ощущение времени. Только ежеминутно ждал одного: что из пурги вырастет город... Здание... забор... дорога...

Савелий чётко помнил: он двинулся из города на юг. С южной стороны что у нас в городе? Вокзал, оленьсовхоз, кладбище... Ещё вояки какие-то были... Может, на воинскую часть выйдет?

Когда темнеет в феврале? В какое время смеркается? Часов в пять или в шесть? Эх, Савелий на такие мелочи не обращал внимания — дела, заботы! Темнеет себе и пусть темнеет.

Хорошо, вот начнёт темнеть — это пять или шесть часов... Что это даёт? Ничего. Это даёт то, что дальше надо будет идти в темени, в ночной пурге, что ещё хуже и тяжелее.

«Почему идти? Мы же едем!» — Савелий мысленно одёрнул себя. Да, ехать надо будет в темноте... Тут он вздрогнул. Почуял: засыпает.

Ветер убаюкивает. Монотонность кружащегося снега перед глазами не хуже метронома приглушает внимание — человек погружается в сон.

«Нет, спать нельзя! — пытался бодриться Савелий. — Кувыркнуешься, как Лёха!»

Впереди образовалась прореха, снегоход резко встал.

Ручей. Просто заметённый ручей, русло — в низине.

Перекатим.

Когда начало темнеть — этого Савелий не заметил. Как-то совсем внезапно снег стал серым, пурга — мутной, а снегоход ни с того ни с сего вдруг заглох и остановился. Савелий дёрнул за стартер. Мотор чавкнул и смолчал. Он дёрнул ещё раз. Потом ещё...

Савелий сошёл с машины. Причину нашёл мигом — бензин на нуле.

Топлива было достаточно для того, чтобы съездить за полсотни километров в тундру и вернуться обратно в город, но не для того, чтобы на скорости пешехода кружить по тундре целый день.

Ну, вот и «приехали»!..

— Что там? — донеслось от Лёхи.

— Сдох коняка, — крикнул Савелий. — Бензин вышел. Не рассчитывал я на такую прогулку.

Разговор на этом кончился. Лёха ничего предложить не мог.

Пурга стонала и выла.

Савелий взял горсть жёсткого снега, протёр им лицо. Стало легче.

Да нет, легче не стало.

Варианты? Остаться здесь и ждать — вдруг пурга закончится так же внезапно, как и началась. Сколько Лёха протянет без помощи врачей? Сутки, двое или, может, несколько часов? А если бросить Лёху одного, добраться до города и организовать спасательную операцию... Только где искать потом? Заметёт полностью — не найдёшь под снегом. Если только по снегоходу найти? Так и снегоход может замести в одну ночь. В низине стоят они — тут всегда заметает.

— Есть мысли? — раздался голос Лёхи.

— Одна, — отозвался Савелий.

Он подошёл к Лёхе, не торопясь отцепил санки от своего «Бурана». Потом залез в багажник своей заглохшей техники, нашёл там пакет с НЗ: хлеб, сало, спички, зажигалка, спирт сухой, что-то ещё... Впрягся в трос, каким были прицеплены санки к снегоходу, — лямка легла поперёк его груди, — и потащил их вместе с Лёхой куда-то в темноту ночи. Лёха, похоже, всё понял и застонал:

— Да не надо это!..

В первые минуты Савелий даже как-то порадовался и за себя, и за Лёху: идти по снежному и твёрдому насту оказалось не столь и тяжело. Лямка упиралась в плечи и грудь чуть ниже горла, Савелий по бокам поддерживал её руками, немного оттягивая перед собой. По старому насту санки с Лёхой катили легко, словно по льду, на новых белых «языках» только что наметённого снега тормозили.

Хорошо, намело его не так и много. А нехорошо — тундра не бывает ровной, потому, когда катились вниз, приходилось санки поддерживать, а когда вверх — тогда Савелий упирался так, что, казалось, глаза из орбит вылезут.

Зимой полной ночи как таковой в тундре не бывает. Даже без луны что-то да видно вокруг, хоть очертания местности. Снег отражает всё, даже свет звёзд.

Сегодня на небе была луна. Правда, за туча-

ми видно её не было, зато звёзды висели светлые, а потому и света немного давали.

Савелий шёл туда, куда ветер дул. Он давно уже потерялся в пурге, и единственным ориентиром оставался ветер, дующий в спину. Но в пурге он не дует однообразно и размеренно, а рвёт порывами. Причём они могут быть такими, что в один порыв и глазом не моргнёшь — не почувешь, а в другой хлестанёт так, что свалит с ног и десяток метров прокатит по снегу.

В низинах ветра было меньше. Здесь Савелий терялся: куда идти? Вроде только что дуло туда, а теперь в обратную сторону... Куда из низины выходить? Стало ужасно натирать плечи. Савелий перехватывал лямку от саней наподобие хомута, пропустив её под мышками, но очень быстро стало натирать и шею через шарф, да и под мышками давило нестерпимо. Сил оставалось всё меньше, хотелось завалиться на снег и уснуть — поспать немного, хоть полчаса. Он опустил на снег, встал на колени. От тюка брезента донеслось слабым голосом:

— Савелий! Телефон возьми, может, уже!..

«Вот дурак старый! — мигом взбодрившись, Савелий себя даже по голове хлопнул. — Заигрался в герои! Телефон же есть!»

Он быстро отвернул брезент, пошарил рукой по груди Лёхи, нашёл в кармане телефон. Включил. Телефон вспыхнул в ночи яркими, цветными огоньками. Цивилизация! Савелий глянул на дисплей в надежде увидеть сигнал сотовой связи.

Ноль. Полный ноль.

— Себе возьми, — сказал он, пряча мобильник за пазуху, — буду проверять. Может, где поймает сеть.

Вставать со снега не то что не хотелось, а просто не могло. Они застряли в низине, ветер здесь больше кружил снег, чем дул порывами. Здесь было относительно тихо. Можно свободнее дышать, а не ловить воздух ртом, как там, наверху, в пурге. Но всё равно надо выбираться — и дальше, вперёд, в город, к людям.

«Лёха долго не протянет», — теперь эта мысль занозой сидела в голове у Савелия.

— О чём думаешь? — будто подслушав, вдруг спросил Лёха.

— Ни о чём, — отрывисто ответил Савелий.

— Скажи. Легче будет...

— Легче не будет, — сказал Савелий. — «Буря» сдох, мясо потерял, пурга усилилась, а идти надо... Дойти надо.

— У тебя семья есть? — тяжело ворочая языком, спросил Лёха.

— Есть. Для них и корячился.

— Может, один дойдёшь? Может, так быстрее будет? Там объяснишь всё... Ну, МЧС...

— Один не дойду, — твёрдо сказал Савелий, — ветром сдует.

Он поднялся, подхватил лямку, впрягся и потащил сани.

Наверху ветер рвал и бил как хлыстами, это иногда даже помогало двигаться вперёд, особенно на спусках. Порой Савелию приходилось санки придерживать ногой. Потом — опять вверх: то поперёк лямку, то сверху на шею, то поперёк...

В какое-то время Савелию показалось, что мозг у него больше ничего не воспринимает, кроме снега, ветра и ломящей боли в плечах. Вначале он часто смотрел на дисплей телефона, надеясь, что тот обнаружит сеть, потом забыл. Телефон стал бесполезной игрушкой в этом бесновании природы.

Савелий спускался в низины, поднимался из них, иногда падал, поднимался, хватал летящий снег ртом, подхватывал его рукавицей с наста, жевал до ломоты в зубах и голове. Ужасно хотелось пить. Воды у них не было. Про хлеб да сало из своего НЗ Савелий ни разу и не вспомнил. Есть не хотелось. Хотелось пить, а потом — закрыть глаза и уснуть — хоть стоя, хоть на ходу, хотя бы на минуту, секунду, но уснуть, забыться... И пусть всё происходящее окажется кошмарным сном!

Но Савелий шёл, бездумно передвигая ноги, ничего вокруг себя не видя. Просто надо было идти и тащить за собой санки с человеком. Потому что им нужно в город, в тепло, к людям. Лёхе — в больницу! А Савелию надо домой... у него пацан Володька, дочь, жена...

В пурге ему померещился сын. Он играл на снегу с большой машинкой — снег возил.

Пот катил по Савелию, одежда мокла изнутри, эта влага на морозе еще больше охлаждала тело.

Пару раз он крикнул что-то Лёхе. Просто так, без дела, без нужды — только чтобы тот подал голос. И тот не ответил.

Савелий остановился, подумал — может, Лёха умер? Скончался так вот тихо человек, никому ничего не сказав. Хорошо это или плохо? С одной стороны, хорошо: можно его здесь оставить — труп же... Что с ним делается? А с другой... песцы могут лицо обгрызть, всякая живность начнёт человека есть... Нет, так нельзя, тащить надо и труп... труп же этот человеческий, правильно? Это не по-людски — бросать тело человека на произвол... Надо тащить.

Савелий остановился, ноги подкосились, и он упал на колени. Так стоял какое-то время. Ему показалось, что глаза его закрылись, он уснул. На секунду? Минуту?.. Он что-то видел во сне? Не помнил. Просто чёрная дыра. Дыра в сознании.

— Сава! — крикнул кто-то тонким бабским голосом.

Савелий очнулся: как по голове ударили. Голова раскалывалась от боли.

— Савелий! — услышал он осипший голос Лёхи.

Савелий очнулся, понял, что стоит в снегу на коленях. Поднялся. Подошёл к Лёхе. На колени уже не опускался — бухнулся.

— Савелий, — сказал тот из-под брезента, — я забыл... У меня в кармане... во внутреннем... спирт на лимонном соке... С золотым корнем... В дорогу брал. Попробуй. Золотой корень силы даёт.

Савелий помолчал, не понимая, что от него хочет Лёха. Какой спирт, какой ещё лимонный сок?.. Сок?.. Осенило: сок — вода.

— Где? — нехорошим голосом спросил он, шаря по груди у Лёхи. — Где сок?..

— Не сок, Савелий. Спирт, разбавленный соком лимонным.

— Спирт? Зачем спирт? Делать что?

— Хлебни глоток, — сказал ему Лёха уже потвёрже, — он на золотом корне. Поможет. Силы даст на время. Только много нельзя... Опьянеешь — уснёшь.

Савелий нащупал тонкую фляжку во внут-

реннем кармане Лёхиной куртки, вытащил, в потёмках отвинтил крышку и сделал глоток... ещё глоток. Потом — третий... Захотелось сразу есть. Он достал пакет НЗ. Вынул хлеб и сало нарезанное.

— Что ж ты молчал? — уже пришёл в себя Савелий. — Спирт тебе нужен в первую очередь. Ты же много крови потерял. Когда доноры крови сдают много, им всегда то вино сухое красное, а то и спирту медицинского... Это какой спирт? Медицинский?

— Да нет, Савелий, — пробормотал Лёха, — гидролизный это спирт... Сушит от него по утрам сильно, если переборщить. Но не отравишься, не бойся.

— Спирта бояться... скажешь тоже, — жевал сало Савелий, ощущая, как приходит в себя и по венам расходится кровь, а с нею и силы.

— Холодно, — прошептал Лёха, — спину не чувствую. Помираю, что ли? Сдохну — ты брось меня. Потом найдут. Весной. Знаешь, под погибшими людьми снег не тает, и весной в тундре появляется «гриб» снежный, а сверху — тело человека... Худо, правда? Пошевелиться бы мне... Не могу... Холодно под спиной...

Савелий стянул с себя куртку, свернул её в три полосы, как это делают в магазинах, когда упаковывают, развернул брезент, Лёху резко приподнял с краю и засунул куртку под него.

— Дурак, — сказал Лёха благодарно, — тебе важнее, ты же тащишь нас... Савелий...

— У меня ещё кожанка, — показал тот во тьме короткую, обтёртую куртку в пояс, — и свитер там — шерсть чистая. Выташу. Ну-ка, давай!

Савелий приподнял Лёху, поднёс к его губам фляжку. Тот отпил пару глотков, поморщился, попросил:

— Зажевать дай.

Савелий сунул ему в руку хлеба с салом. Лёха откусил вместе с залетевшим в рот снегом, чуть прожевав, попытался пошутить:

— Ну да... сдохнуть всегда веселее навеселе.

Савелий уложил парня обратно, подоткнул брезент, затем сам поднялся на ноги, впрягся в лямку и, ухватив её перед собой руками, потащил сани дальше.

Что всегда визжит в пурге — неизвестно, но завывания ветра бывают такие пронзительные, что давит на уши. Ночная пурга рвёт человека еще сильнее, крутит им, словно он попал в мясорубку, но никак на шнек мясорубки намотаться не может. Бывает, что даже посмотреть впереди себя — проблема: едва лицо поднимешь — отхлещет снежными плетями так, что начнёшь плевать и отмахиваться. А бывает, что вроде и несильно снегом обдаёт, да тот же ветер так напирает на тебя, что хоть носом, хоть ртом ухватить воздуха невозможно, а потому опять — головой вниз.

На одном из подъёмов тундры Савелий снова достал телефон. Сети не было, часы показывали два ночи.

Силы, что даёт алкоголь, заканчиваются очень быстро, если их расходовать неразумно. Например, тащить сани с человеком. Здесь никакого алкоголя не напасёшься. Похмелье придёт в момент, дурь пьяная через пот улечучится за полчаса, а отравление останется. Потому человек прикладывается вновь и вновь, что заканчивается весьма плачевно, бывает, и трагически.

Шёл Савелий теперь не на автомате, как раньше. Теперь он соображал, что вокруг творится, и обдумывал действия. Поставил цель: если начнёт сдавать — засыпать, совсем с ног валиться, только тогда позволит себе ещё хлебнуть. Пить можно только для поддержки, а не для расслабления. А если Савелий сейчас грохнетя и уснёт, Лёшка ведь даже и помочь ничем не сможет. Картина! Один будет замерзать во сне, другой — наяву.

Тьфу, зараза! Надо думать о чём-то хорошем. Вот о бабах, например. А может, стихи читать или песни петь?

Савелий уже давно стёр ноги в ботинках, промёрз до костей, обморозил руки, потому что на ветру, в мороз, держать их сжатыми в кулаки нельзя — кровь не ходит. А как тогда, если надо лямку перед собой удерживать? Иначе не потянешь. А лямку под мышками проденешь — так и там режет.

Савелий уже привык к темноте, под ногами снег худо-бедно просматривается — и слава богу! Иногда перед глазами вспыхивали какие-то молнии, которые были похожи на кру-

ги белого света на снегу, на настё, — там, где он и видеть их не мог, потому что кругом стена снега, а наст был виден лишь под ногами.

Савелий ладонью отирал лицо от облепивших его снежинок, сжимал холодными пальцами ресницы, чтобы глаза хоть как освободить от налипших ледышек. От этого рука мёрзла ещё сильнее, и он быстрее прятал её в рукавицу, сжимал в кулак, чтобы пальцы хоть немного друг о друга погрелись, — ничего не помогало. Он делал «зарядку» внутри рукавиц, сжимая и разжимая пальцы, тогда слетала лямка троса, падала ему на грудь... Савелий останавливался, какое-то время стоял беспомощно, потом, словно бурлак, поднимал лямку и опять шёл — тянул за собой сани с Лёхой... А кто этот Лёха?... Да нет, не ему кто, а вообще — кто? Вообще, Лёха этот существует или это всё тоже мираж... видение... наваждение?... Или как его там?... Привидение.

И вдруг Савелия будто ухнуло по голове. Он даже удар физически почувствовал — будто тяжёлой, набитой пером подушкой по голове бахнули и сказали прямо в уши: «Это не привидение. Это наказание, дружок. За жадность твою, за скупердяйство! Или мяса дома не было? А может, с голодухи помирал? Чего в тундру попёрся? На дармовщинку поживиться? Может, олени те твои были? Ты их растил, от волков охранял, пас в тундре, на перегонах, в реках ледяных спасал, изо льда вытаскивал?... Дармод ты, Савелий!»

— А Лёху за что? — не выдержав, в голос спросил тот.

И тут же услышал: «А за то же!»

Потом секунды стояла тишина, такая жуткая неземная тишина, ветер приумолк, но не стих совсем, пурга била во все стороны, а звуки её исчезли.

Савелий головой тряхнул — и вдруг снова услышал вой ветра. Тут же рванулся вперёд с ещё большим рвением, прошептал:

— Ну так мы же мясо оставили там... Олени-то там, а мы — здесь, чего теперь-то?..

Пурга провыла что-то в ответ. Мало того, что усилился ветер, так ещё и тучи, очевидно, стали более плотные и света уменьшилось. Стало и в самом деле темно.

Савелий взялся за лямку, хотел под мышками пропустить, чтоб кулаки немного отогрелись, руки отдохнули, да здесь ветер так хлопнул его порывом, что его отбросило на снег и прокатило по насту. Куда?

Собравшись с силами, он поднялся, огляделся и... сани не увидел...

— Лёха! — отчаянно крикнул он во тьму.

Ответа не услышал. Ветер, вой, свист... какой-то издевательский свист.

— Лёха!! — крикнул Савелий ещё раз что было силы.

Тут же подумал: «А что так орать? Лёха ведь крикнуть в ответ не может».

Савелий достал фляжку, сделал один глоток, второй... Хватит. Надо думать, как найти человека.

Савелий спешно вытоптал в настe маленькую площадку, разбивая его рёбрами подошвы ботинок, — это чтоб было видно, где он сейчас находится. Тут же мелкими шагами, твёрдо ступая по снегу — так, чтобы в настe оставались насечки, — сделал десять шагов в одну сторону — пусто. Вернулся, площадку свою нашёл. Сделал таким же образом дорожку в другом направлении — и там пусто, на всякий случай крикнул — не ответили. Вернулся. Пошёл в третьем направлении — опять пусто. В четвёртом — пусто.

Может, подальше отходить надо?

Савелий еще разок утоптал площадку, расширил её. Опять отошёл в сторону, отмеряя шаги, тщательно вдавливая подошвы ботинок в наст.

Куда ж его укатило? По ветру? По ветру, ясно. Что ж тогда не находятся сани?..

Савелий вернулся на площадку. Постоял, спиной ветер почувствовал — ровно ли по ветру стоит?.. В этот миг порыв ударил так, что Савелия вначале согнуло пополам, он упёрся руками в снег. Ветер ударил с новой силой, и Савелия прокатило по снегу дальше... Куда?

Он поднялся на колени, стал искать свою утопанную площадку, проломы в снегу. Ничего. Снег здесь был ровный, чистый. Теперь и метки потерял.

— Эй, — сказал он куда-то вверх, — вы чего там? Лёха как...

Ветер попробовал ударить в третий раз, но Са-

велий удержался, потом плюхнулся на снег ничком и так лежал какое-то время. Когда порывы прошли, он поднялся, стал оглядываться.

Надо искать ту площадку, что вытоптал, и побыстрее, иначе заметёт её. А не найдёт — тогда Лёхе конец.

Савелий достал таблетку сухого спирта. Как поджечь спирт, чтоб не потух на ветру? Надо ему какую-то защиту, совсем маленькую, лёгкую защиту, чтобы порывом пламя не сорвало.

Савелий похлопал себя по карманам. А что хлопать-то? Что там может быть такого, чем можно уберечь пламя от ветра?

Выход нашёлся сам. Легко и просто. Савелий выкопал перочинным ножом маленькое углубление в настe, положил внутрь таблетку, поджёл её от зажигалки. Пламя заколыхалось, стало разгораться.

Савелий хотел было руки обогреть, да времени не было: пурга мела, следы заметало. Он выждал пару мгновений, когда порывы вновь ослабли, и пошёл обратно — ровно против ветра.

Где-то здесь... здесь... Обернулся пару раз — в ночи пуржиной горелка сияла неземным светом жизни. Где-то здесь... Савелий встал на четвереньки, стал искать словно пёс, чуть ли не носом вода по насту.

Вот!.. Вот пролом от его ботинок! Куда? Сделал пару шагов в сторону и нашёл то, что осталось от его площадки, едва просматривались и засечки от подошвы ботинок.

Теперь от неё — против ветра... Стоп! Савелий вновь выкопал ножом углубление в настe, поджёл ещё одну таблетку спирта.

Озираясь чуть ли не ежесекундно, пошёл на ветер. Сделал десять-пятнадцать шагов. Пусто. Посмотрел назад — огонь прорывался светом сквозь месиво пурги — пусть плохо, но видно его.

Савелий плюнул и пошёл дальше. Через пять шагов наткнулся на сани. Есть! Вот он, друг Лёха! Никогда бы Савелий не подумал, что может обрадоваться чужому человеку, да ещё в той ситуации, когда этот чужак вполне может его погубить одним лишь своим беспомощным присутствием.

Савелий упал перед Лёхой на колени, откинул брезент. Тот, почуяв движение, открыл глаза.

— Ага, — сказал Савелий, — ну да... Я тут это... Нельзя одному никак, понимаешь?

Он тащил сани дальше с упорством человека, который знает, что делает, — тянул, не чувствуя боли в плечах, холода, усталости, не видя ничего, кроме наста под ногами, шёл.

На санях лежал человек, жизнь которого стоила сейчас ровно столько, сколько Савелий мог вытянуть. Он достал телефон, глянул на дисплей — три часа ночи. Сети нет. Светает где-то в шесть... Ещё три часа, три часа... А что ему эти три часа? Что даст рассвет?..

Похоже, сейчас будет спуск. Слишком долго пришлось упираться, выходя на самый верх подъёма тундры.

Остановились они, когда сани свободно заскользили следом, — значит, поднялись.

— Что, не видно города? — услышал Савелий от тюка на санях.

Быстро подошёл, откинул брезент.

Лёха был живой, в сумраке ночи моргал глазами.

— Метёт, собака, — ругнулся Савелий. — Пять метров, дальше — стена.

— С пути не могли сбиться?

— Ветер в спину был. Перемениться не мог. Рановато ему. Да ты не гоношись... Вытяну.

— Савелий, — слабым голосом спросил Лёха, — ты русский, да?

— Почему? — удивился Савелий.

— Русские своих не бросают.

— А-а, — промычал он, — ну да... Тогда русский, — помолчал и добавил: — А так я хохол... украинец вроде. С Полтавы.

— Спирт как? — спросил Лёха.

— Берегу, — успокоил Савелий.

— Да не то. Пьёшь спирт как?

— Глотками, — недоумение было в голосе Савелия.

— Да нет... Помощи просишь? — Лёха пояснил: — Когда пьёшь, у духов неба и тундры надо помощи попросить.

— К-как это? — запнулся Савелий.

— Так. На полном серьёзе.

Савелий смолчал, чтобы не обидеть Лёху ненароком: состояние у обоих всё же было нездоровое. Потом он глянул вокруг себя,

ничего не увидел, чуть насмешливо спросил:

— И что просить-то надо? Вездеход, вертолёт или машину скорой помощи?

— Да то, что они тебе дать могут, — шепнул Лёха.

Савелий сел на снег рядом с брезентовым тюком, достал фляжку, самому себе так и сказал: сейчас что ни делай — хуже не станет. Он отвинтил пробку, чуть взмахнул рукой с фляжкой, как будто приветствуя, и крикнул что было мочи:

— За духов неба и тундры!! За духов неба и тундры, слышите?! За вас!! Дорогу покажите! Город мне покажите! Город!!

Глотнув, Савелий поднялся со снега, глянул по ветру — куда хоть шли?.. В темноту полную... кромешную... в стену снежную.

— Тучи сносит, — донёсся до Лёхи голос Савелия.

И внезапно вокруг всё стихло. Как-то по-сказочному стихло, словно кто-то дунул — и снежная стена расступилась. Снег вместе с ветром опустился к земле, а темнота осталась. Это длилось мгновение. Перед Савелием вспыхнул огнями город. Воркута! Словно Савелий на горе стоял, а город расстился у подножия. Оазис в пустыне снега, холода и мрака! Вспыхнул и пропал.

— Город!! — заорал Савелий, безумно глядя перед собой в стену бушующей пурги. — Город, мать вашу! Лёха!

Он подхватил сани и побежал вниз с подъёма. Бежал Савелий так, что сани дёргались от его рывков, словно лодочка, привязанная к большому кораблю. Иногда, срываясь с места, сани догоняли его и били по ногам. Савелий боли не чувствовал, ничего не соображал. В голове сидела картинка светящегося города — картинка жизни и спасения.

Ветер взвыл ещё сильнее, стегал порывами резче, крутил снег ещё гуще, беспросветнее, словно испугался, что Савелий убежит сейчас от него.

Город! Савелий видел город! Тот самый, в котором прожил уже столько лет! Савелий никогда даже подумать не мог, что этот город так красив, уютен и удобен для жизни, а он светился в ночи, — вспыхнул путеводной звездой и поманил к себе.

Савелий достал фляжку, приложился ещё на пару глотков, закусывать не стал — не до того сейчас. Дойти! Надо дойти! Они рядом, уже вот-вот...

Савелий упал — не потому, что запнулся, а от усталости рухнул на ровном месте. Организм выдохся, сердце заходило — стучало так, словно выскочить хотело. Секунды Савелий лежал, шептал себе под нос: «Не спать, не спать, не...»

Что-то толкнуло его в ноги, он открыл глаза, повернулся: сани стояли впритык, уткнувшись носом в ботинки Савелия. Они ж вроде чуть поодаль были, метрах в трёх?.. Выходит, сами по инерции догнали.

— Савелий! — позвал Лёха. — Не спи! Я звуки слышу...

— Что? — тот подскочил, будто кто стегнул плетью. Поднявшись с земли, первым делом — к Лёхе, отвернул брезент: — Какие звуки? Где?

— По металлу стучат, — он шевелил бескровными губами, — это вокзал... Путьшики — по колёсам... молотками... Вот, слышишь?

Савелий не слышал, но Лёхе он поверил. А не поверил бы, если б не видел перед собой в низине светящийся огнями город. А так — поверил. Город был, они идут с юга, а там и есть вокзал.

Темень ночи не отступала. Быстрее бы рассвет! Чернота давит, сознание работать не хочет.

Ещё с полчаса двигались к городу, но на подступы так и не вышли. Савелий достал телефон, проверил связь — сети не было, на часах — четыре утра.

Снежная кутерьма не утомилась. Савелий отчего-то вспомнил бескрайнее море... Чёрное, где он отдыхал с семьёй летом. На море утром всегда тихо, спокойно, штиль. А в Полтаве тоже бывает снег, даже метель, не такие, как здесь, конечно...

Савелий представил себе: если сейчас снег под ним убрать, то окажется, что он висит в воздухе на высоте метров пять от земли. Читал как-то в газете: в Большеземельской тундре за зиму наматывает около пяти метров снега.

Пот катил ручьём по лицу, по телу. Савелий опять ощутил, что ему жутко холодно, идёт он

с закрытыми глазами. Под воротник кожанки задувало — шарф где-то потерял.

«Если сейчас бросить сани — дойду точно! — собравшись с последними силами, пообещал он себе. — Меня хватит ровно на двадцать две минуты, дальше — всё! Сон. Холод. Забыть».

Почему именно двадцать две? Не двадцать три... Не двадцать восемь... А кто его знает!..

Если сейчас бросить сани — он, Савелий, точно выживет и дойдёт до города. А там расскажет, где Лёха остался. Найдут? А леший их знает, как они ищут?..

Савелию казалось: брось он сейчас сани — город станет реальностью. Померещился даже свет фонарей, окон... А там — дети, жена...

«Да нет же! — злился на себя. — Русские своих не бросают. Это откуда такие слова? Не помню. Ничего не помню. А Лёха русский? Свой?.. Да какая ж разница!..»

Савелий упал носом в жёсткий наст. Приподнялся на локтях, сел на колени. Смотрел безучастно перед собой.

Снежное молоко, больше ничего. Спихватился: «Снежное молоко. То есть?.. Значит, белое? Светает?..»

Савелий достал телефон — сети опять не было, часы показали шесть утра. Да, утро! Как это он не заметил?

Его била лихорадка, поселился в нём и страх, что свет сейчас исчезнет... что часы врут... что он, Савелий, просто уснул, и это — предсмертный бред...

Но свет не исчезал. И здесь, словно провозглашая рассвет, где-то не так и далеко ударил колокол. Звук вышел тонкий, короткий, словно колокол был маленький.

«А разве у колокола может быть короткий звук?» — Савелий замер от догадок. Вновь ударил колокол. Встав на ноги, теперь Савелий направился на звук колокола.

Организм уже давно измождён, потому шёл, еле ноги волоча. Третий раз колокол ударил совсем рядом, Савелий поднял голову, напряг зрение и в прорывах пурги, метрах в десяти от себя увидел... тепловоз.

Тепловоз... тёплое слово. За ним — вагоны. А рядом стоял путеец, это его молоток на длинной ручке стучал по колёсам. Ему и пурга нипочём.

Какие-то мужики тащили Савелия под руки через пути. А другие, охая и ахая, следом — сани с Лёхой. Чудом нашлась машина... большая машина. Грузовик, автобус?..

Чей-то голос молвил:

— Осторожно!.. Осторожно тащи! Вон, телефон у него выпал. Подыми, сунь ему в карман.

Другой голос ответил:

— А что ж он МЧС не набрал?..

— Так вышка же грохнулась у сотового... Забыл?

Только погрузились в машину, устроились на лавке, а уже надо выходить.

Савелий приоткрыл глаза: «Где мы? Куда приехали? Домой?»

Сам спуститься с высокой подножки машины он не смог.

Мужики подхватили под руки и помогли. Дальше завели его в здание, потом — длинный коридор. Там усадили Савелия в кресло. Он что-то бормотал, пытался объяснить, что с ним всё в порядке, а вот с Лёхой... его гляньте, у него — голова...

В приёмный покой больницы Лёху внесли следом прямо на санках, переложили на носилки. А в коридоре на фанере так и остались кусок брезента да куртка Савелия.

Пока занимались Лёхой, в мыслях у Савелия прояснилось. Он даже достал из-за пазухи фляжку, отвинтил крышку, хлебнул крепко. Вынул оттуда же, из кармана, ломтик сала и хлеб, закусил.

Сил прибавилось, но невыносимо хотелось спать. Всё же он огляделся: узнал коридор городской больницы номер один, заметил и свои санки — они лежали напротив него. Еще раз крепко хлебнув из фляжки, Савелий завалился на них и через секунду спал беспробудным сном.

Виталий Васильевич ЛОЗОВИЧ

более тридцати лет работал кино- и телеоператором в Воркуте.

Пишет прозу. Публиковался в журналах:

«Аврора», «Север», «Дальний Восток», «Волга 21 век»,

«Автограф» (Донецк), «Союз писателей», «Урал»,

«Мир Севера», «Огни Кузбасса».

Автор книг: «Алло! Северное сияние?», «Скала, лёд и слёзы»,

«Убойный снег», «Тёща для всех»,

«Опрокинутый мир» и других.

Лауреат и финалист ряда литературных конкурсов,

награждён первой литературной премией губернатора Ямало-Ненецкого округа (2014).

Член Союза писателей России.

